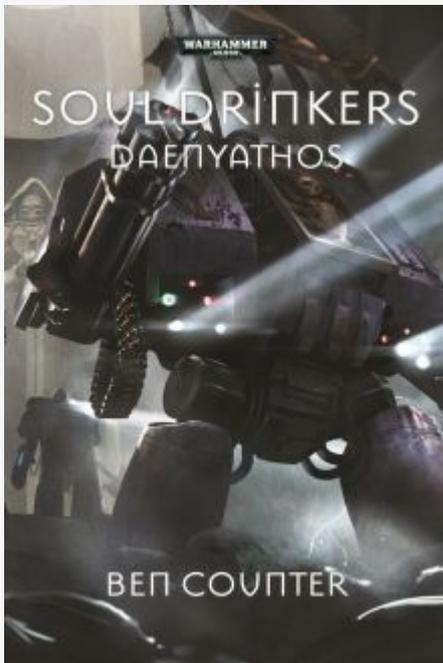

Дениятос / Daenyathos (новелла)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Дениятос / Daenyathos (новелла)

Автор	Бен Каунтер / Ben Counter
Переводчик	Foghost
Издательство	Black Library
Серия книг	Испивающие Души / Soul Drinkers
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл	Испивающие Души
Предыдущая книга	Выкованные в преисподней / Hellforged
Следующая книга	Фаланга / Phalanx

Содержание

Пролог

Часть 1 — 313.М36

Часть 2 — 319.М36

Часть 3 — 322.М36

Часть 4 — 344.М36

Часть 5 — 481.М36

Часть 6 — 481.М36

Пролог

Достопочтимый брат мой, Рейнез,

Хотел бы я писать тебе при более благоприятных обстоятельствах, но видно, не судьба. Недавние события отбросили ещё одну мрачную тень на тех из нас, кто считает себя истинными сыновьями Дорна. Испивающие Души, столь долго сидевшие занозой в теле верных слуг Трона, ныне гниют в камерах «Фаланги», дожидаясь праведного суда. Полагаю, что, будучи главным обвинителем, ты готов как никогда, и я счёл необходимым связаться с тобой.

В руках твоих находится книга, забранная нами у капеллана Испивающих Души, хотя я испытываю сильнейшую боль, применяя это звание к одному из отринувших свет возлюбленного нашего Императора. Негодяй пытался спрятать её, но, лишившись силовой брони, вынужден был выдать книгу и содержащиеся в ней секреты. Предостерегаю тебя — это довольно тяжёлый для чтения документ, и лишь истово верующий слуга возлюбленного всеми Императора может быть допущен к этой рукописи. Разнообразные предательства и откровения, которые ты обнаружишь в книге, не оставят сомнений в вероломстве Испивающих Души. Но что особенно выводит меня из себя, как и любого другого благородного сына Дорна — все эти акты крамолы и убийства были совершены именем примарха.

Уверен, ты разделишь мои взгляды и используешь эти улики против этого обещанного ордена и докажешь ересь Испивающих Души.

Часть 1 — 313.М36

Терра! Святая Терра, Мир-прародитель, Терра Всевышняя! Колыбель и Трон человечества. Дозорная башня самого Императора, держава его величества, око небес! Сама святая Земля!

Именно так пели слуги-певцы, когда «Слава» впервые появилась возле Терры — затянутой облаками бронзовой сферы с серебряными прожилками орбитальных доков. Они продолжали свои песнопения и в тот момент, когда «Громовые ястребы», расчищая себе путь огнём лазеров, прорвались сквозь завесу облаков и промелькнули над величественными просторами дворца Экклезиархии. Они распевали сотни стихов, души певчих были связаны друг с другом через коммуникационные сети дюжины «Громовых

ястребов», они восславляли величие этого овеянного легендами красивого места.

С точки зрения любых моральных устоев дворец Экклезиархии выглядел нехорошим местом в этот день. Он был заражён еретиками и служил логовищем безумцу. При этом он обладал столь основательной красотой, что мог не заботиться о таких мелочах, как мораль. Он был вечен. Он будет стоять всегда. Многие верили, что он стоял здесь с начала времён, занимая целый континент древней Терры, ибо существование человечества было просто невысказано без матери всех соборов — места, где можно было достойно чтить бессмертного Императора.

Дворец Экклезиархии простирался от горизонта до горизонта. Лишь расположенный на другой стороне планеты Императорский дворец мог похвастаться ещё большими размерами. Изрядные куски поверхности Терры были отданы всего под два сооружения. Хорошо видимый даже издали кафедральный собор Императора Обожествлённого был огромным зданием высотой с гору и площадью с целый город. Бесконечные лабиринты нефов, монастырей и золочёных крепостей создавали вокруг него витиеватый городской пейзаж. Внутри находились каналы и космопорты, мавзолеи и крематории, трущобы и хоромы. Его могущество длилось веками.

Песнопения слуг всё продолжались, а «Громовые ястребы», оставив на небесах яркие инверсионные росчерки, пронесли над восточным сектором дворца. Как и всегда, песни переключились с величия Терры и дворца Экклезиархии на славные деяния людей, сидевших внутри «Громовых ястребов». Правда, во многих аспектах людьми они уже не были, хотя и являлись ими когда-то очень давно. Сервы ордена были людьми, хотя ныне их статус стал ниже — рабы с изъятыми частями тела для лучшего выполнения возложенных на них обязанностей, но находившиеся внутри «Громовых ястребов» воины превосходили обычных людей во всём. Их герб можно было разглядеть на бортах заходивших на посадку штурмовых самолётов, пронесившихся мимо укреплений дворца, вертикальные двигатели выбрасывали столбы пламени, направляя машины к усыпанному телами внутреннему двору, обозначенному в качестве места высадки грозных воителей. Тысячи мертвецов лежали во внутреннем дворе и примыкавших к нему монастырских постройках. Повсюду валялись куски низвергнутых колонн — жертв расчистки зоны десантирования.

Расположенные где-то на западе зенитные батареи открыли неслаженный огонь. Жёстко встроенные в управление «Громовыми ястребами» рабы-пилоты начали мастерски лавировать между потоками снарядов. Пилоты были хороши. Орден сделал их такими.

Двенадцать «Громовых ястребов» одновременно снизились над внутренним двором и зависли в двух метрах над поверхностью. Задние аппарели откинулись, и закованные в броню фигуры, намного превосходившие ростом обычных людей, выпрыгнули наружу, уже готовые сражаться в момент касания земли ногами. Внутри каждого транспортного средства размещалась миниатюрная армия — десять воинов, каждый из которых готов был сражаться с любым противником любым способом — с одинаковым успехом они могли уничтожать врагов, как издали, так и разрывать их на куски, стоя лицом к лицу. «Громовые ястребы» выгрузили пассажиров, взревели двигателями и, уклоняясь от трассирующих очередей зенитного огня, устремились вверх, чтобы обеспечить поддержку с воздуха.

На пурпурных корпусах «Громовых ястребов» блистал символ золотой чаши. Воины также были облачены в пурпурную с окантовками костяного цвета броню, тот же символ чаши украшал наплечники всех высадившихся гигантов. Это были Астартес, космические десантники, ангелы смерти, и страх, внушаемый этими воинами, был неоспорим настолько же, насколько безусловной была святость самой Терры.

Прибывшие были из ордена Испивающих Души, и они явились, чтобы освободить Терру.

****Ложь, ложь, проклятая ложь. Согласно летописям моего ордена, Испивающие Души не были на Терре в тот период времени.***

Грохот перестрелки был таким сильным, что запросто мог оглушить человека. Брат-сержант Дениятос прижался спиной к опрокинутой статуе горгульи — куску резного камня размером с танк, сверзившегося со стены, выглядевшей скорее как утёс.

— В укрытие! — рявкнул он по вокс-каналу отделения. Полуотделение — четверо Астартес под его началом, пересекли двор под градом разрывных снарядов и укрылись за горгульей.

— *Наступаем!* — пришёл по общему каналу связи приказ капитана Гарна. — *Перебежками! Вперёд! Вперёд!*

Врата впереди уже подвергались атакам. Шесть раз Севайнские Разбойники из 914-го полка Имперской Гвардии штурмовали проход к воротам — широкую улицу с выставленными вдоль неё статуями, и шесть раз они откатывались назад. Стены прохода формировали ущелье, которое выводило атакующих прямо под убийственный огонь защитников врат. Усыпанная телами земля наглядно демонстрировала то, к чему приводила подобная диспозиция. С момента первой атаки прошло столько времени, что белеющие кости мертвецов уже проткнули прогнившую почерневшую кожу и изодранную камуфляжную форму. Покойники из последней волны выглядели гораздо свежее — не успевшая свернуться кровь блестела, а тела ещё не раздулись.

Имперская Гвардия не справилась, потому что солдаты её были людьми. Люди бежали с поля боя, могли дрогнуть в решающую минуту, могли отступить. Астартес не могли. В этом была основная разница. Человек мог облачиться в силовую броню, он мог бы даже поднять болтер или цепной меч, которыми обычно орудует Астартес. Но при этом всё равно останется человеком. И проиграет эту битву. Но Астартес выиграет.

Дениятос проверил позиции воинов своего полуотделения. Братья были хорошо натренированы, он в этом лично убедился. Дениятос мог не отдавать приказ следовать за ним, он просто перебрался за каменный коготь и выскочил в пролом.

По нему сразу же открыли огонь, по большей части — лазерный. Несколько тяжёлых орудий были установлены в гигантских башнях по бокам врат и среди кучно стоявших на перемычке статуй. Пригнув голову и прижав болтер к груди, Дениятос ринулся навстречу выстрелам. По наплечникам застучали пули, один удачно выпущенный снаряд вскользь ударил по шлему. Авточувства погрузились в статику.

Братья Калинос, Торло, Йелт и Даггеран следовали за ним. Всё они были Астартес из его полуотделения, его команды. У каждого была человеческая сторона — личность, причуды и привычки, вещи, способные привести их в ярость, и вещи, ничего не значащие для них, но способные вызвать гнев у других братьев. Но во время боя они были только Астартес. Места для человеческих слабостей не оставалось. Они доверяли друг другу настолько полно, насколько могли только Астартес. Дениятос знал, что Даггеран, компенсируя вес тяжёлого болтера, побежал следом за командиром. Приятели Торло и Йелт прикрывали тыл и фланги. Лучший стрелок Дениятоса, Калинос, вёл меткий огонь по многочисленным бойницам привратной башни.

У подножия башни Дениятос скользнул в укрытие. Не было никаких шансов взобраться по абсолютно плоской поверхности даже до уровня нижних бойниц, из которых торчали дымящиеся стволы орудий. Только попав вовнутрь Испивающие Души могли захватить ворота, а войти можно было только через парадный вход.

Остальные отряды Испивающих Души также развивали наступление. Рассредоточившиеся среди поваленных статуй и кусков каменной кладки команды с тяжёлым вооружением обменивались залпами с засевшими в башне храмовниками. Полуотделения Астартес, прикрывая друг друга огнём, подбирались к нескольким забаррикадированным входам в башню. Там, где первые отряды достигли укрепленных проходов, мощные взрывы подрывных зарядов взметнули вверх чёрную землю и пламя.

Ближайший к ним вход был целью отряда Дениятоса. По сравнению с остальными этот был хуже защищён. Храмовники использовали его для вылазок, чтобы устраивать резню в рядах гвардейцев из первых штурмовых волн. Пласталева дверь была опалена лаз-огнём.

— На позиции, — воксировал Дениятос Гарну. На краю ретинального дисплея замигала подтверждающая руна. Дениятос посмотрел на проделанный полуотделением путь к башне и увидел прижатый в воронках перед воротами отряд Гарна — противник поливал местность вокруг них яростным огнём.

С текущей позиции Дениятос ничем не мог им помочь. Принимая во внимание заградительный зенитный огонь с вершин привратных башен, «Громовые ястребы» также не могли оказать поддержку боевым братьям.

— Не удивительно, что врата отразили предыдущие штурмы, — произнёс брат Торло, осматривая оцетинившуюся орудиями могучую башню. — Противник хорошо окопался.

— Неужели я слышу отчаяние в твоём голосе, брат мой? — спросил Дениятос. — Считаешь, что мы не сможем проникнуть в эту нору?

— Большой неправды сложно выдумать, брат-сержант! — ответил Торло, чуть резче, чем следовало бы.

— Так переходи от слов к делу! — отрезал Дениятос.

Торло достал боевой нож и перехватил болтер одной рукой, словно пистолет. Отступив от двери на шаг, он обрушил на препятствие мощный удар ноги, направленный в точку под вмонтированным в пласталь замок. Торло был силён, не так силён, как Даггеран, но и этого хватило. Дверь с грохотом распахнулась.

Торло устрашающе взревел, болтер, переведённый в режим автоматического огня, яростно загрохотал. Стробоскопические вспышки выстрелов подсвечивали помещение подобно молниям. Торло, низко держа нож, нырнул внутрь — сказывалась натренированная годами привычка Астартес, позволявшая быстро разделаться с уступавшем в росте врагом.

Дениятос ринулся следом, а за ним и остальные члены команды, Даггеран шёл замыкающим, прикрывая тыл тяжёлым болтером. Отсветы выстрелов обрисовали общую картину, внутри башня и правда напоминала нору: узкие коридоры, заваленные щебнем и балками перекрытий с верхних этажей. Из стен торчали острые прутья арматуры. Витки колючей проволоки опутывали всё вокруг. Противник явно старался укрепить здесь свои позиции.

Торло просто пошёл напролом, проволока цеплялась за его перчатки, а под ногами хрустел щебень. Навалившись плечом на преградившую дорогу стену, он обрушил кладку внутрь находившегося по ту

сторону помещения.

Дениятосу хватило мгновения, чтобы оценить всю ситуацию. Он заметил врагов, засевших в приёмных на верхних уровнях, когда-то целая армия писцов заполняла те помещения — имена всех проходивших через ворота скрупулёзно вносились в списки. Повсюду лежали груды свитков, с верхних этажей сквозь отверстия в полу падали горящие пергаменты, нижний уровень, по сути, был огненным мешком.

— Даггеран! — рявкнул Дениятос. — Над нами!

Противник открыл огонь, Даггеран ответил тем же. Лазерный огонь был настолько плотным, что напоминал ливень, брат Йелт, не выдержав шквала попаданий, рухнул возле стены. Тяжёлый болтер Даггерана раскрошил пол верхнего этажа, в результате чего тот был полностью уничтожен, а снаряды начали терзать стены и потолок. Сверху свалилось изрешеченное до неузнаваемости тело человека, выглядевшее как одно сплошное кровавое месиво.

Кто-то из храмовников завопил, подавая сигнал. Спасаясь от губительного огня Даггерана, враги стали прыгать вниз, решив попытать удачи в ближнем бою.

«Тот редкий случай, — подумалось Дениятосу, — когда разумное существо не могло ошибиться сильнее».

На него спрыгнул голый по пояс человек, обнажённый торс был украшен витиеватой скарификацией в виде имперского орла и окружённого ореолом черепа, изображавшего самого Императора. Нападавший обладал развитой мускулатурой, в которой чувствовался скорее атлетизм, нежели тупая грубая сила. На выбритом черепе и лице были вырезаны слова молитв на высоком готике. На поясе человека был завязан расшитый золотом полухалат из шёлка и бархата. К одной из рук был прикреплен лазбластер — скорострельное лазерное оружие ближнего боя. В другой он держал меч с позолоченной рукоятью и лезвием из гематита.

Силуэт его мерцал, словно человек находился в тепловой дымке. Дениятос знал, что эффект был вызван вживлённым в позвоночник прибором, создававшим энергетическое поле.

Это был храмовник из армии Экклезиархии. Имперские эмблемы на его коже были деяниями ереси, ибо служил он павшей церкви.

Всё это Дениятос увидел и осмыслил в тот короткий промежуток времени, за который храмовник долетел до пола первого этажа. Время замедлилось, словно отягощённое творившимся вокруг насилием. Дениятос вскинул болтер и отбил первый удар клинка. Зубы храмовника подсвечивались — на них были выгравированы крошечные молитвенные образа, вспыхивавшие каждый раз, когда нечестивец открывал свою пасть, испуская очередной боевой клич. На языке были вытатуированы молитвы. Как и на глазных яблоках. Надписи уходили спиралями в ноздри и ушные раковины. Человек был ходячим молитвенником.

Дениятос пнул противника ногой. Это было умышленно безвкусное движение, адресованное врагу, не заслуживавшему красивой смерти. Кость храмовника сломалась ниже колена, и человек рухнул вниз. Дениятос сгрёб врага под подбородок и поднял с пола.

Энергетическое поле было отличной защитой от дистанционного оружия. Именно поэтому привратные башни буквально кишели храмовниками, невзирая на то количество огня, которое гвардейцы обрушивали на укрепления. Но как только противник попадал внутрь поля, оказывался с владельцем лицом к лицу, оно становилось бесполезным. Храмовникам оставалось полагаться на собственные

навыки и скорость в ближнем бою. С Астартес они не могли тягаться ни в том, ни в другом.

Дениятос впечатал храмовника в пол, припав на одно колено и вбив голову врага в землю. Задняя часть черепашки несчастного вмялась внутрь, кровь брызнула изо рта, марая светящиеся зубы. Дениятос вздёрнул обратно тело со сломанной шеей, труп почти сразу же задёргался под бешеным лазерным огнём других спрыгивавших вниз храмовников.

Йелт был снова на ногах и уже успел всадить одному из храмовников боевой нож в спину. Из торса человека показалось острое пробившего грудину мономолекулярного лезвия.

Перестрелка прервалась. Полдюжины храмовников погибли за пару секунд. С третьего этажа прилетело тело, одна рука была начисто оторвана огнём тяжёлого болтера Даггерана. Йелт снял наполовину расколотый лазерным огнём шлем. На обожжённом лице играла ухмылка.

Наверху послышался шум. Приближалась следующая волна храмовников.

— Лезем, — приказал Дениятос. — Пробиваемся. Пробиваемся вперёд.

Храмовники были фанатиками. Их единственной целью было пасть за Императора — этих людей грубо обманули, они присягнули маньяку и должны были умереть. Все до единого. Сдаваться они точно не собирались.

«Что ж, — подумал Дениятос, — да будет так».

Перестрелка возобновилась.

Врата пали через четыре часа после высадки Испивающих Души. Дениятос установил связь с отрядами, штурмовавшими западную башню, и когда те добрались до вершины и заставили умолкнуть зенитные орудия, «Громовые ястребы» обрушили на восточную башню столько огня, что даже храмовники не смогли противостоять этой буре.

Вскоре врата были открыты, и Севайнские Разбойники промаршировали через гигантские двери, перед которыми пали сотни их сослуживцев.

Неподалёку примерно такие же по составу силы Астартес выполняли свою собственную задачу по захвату арены, на которой во время собраний кардиналов разыгрывались пьесы и выступали благочестивые хоры. Эти воины были не из ордена Испивающих Души, а из Огненных Ястребов — ещё одного ордена Астартес, из числа прибывших на Терру с целью покончить с так называемыми Войнами Отступничества.

Человек по имени Гог Вандир жил во дворце Экклезиархии. Где точно — не знал никто, поскольку дворец был слишком большим, чтобы его нормально картографировать, к тому же значительные площади монументального здания лежали в руинах. Каждый день, чаще даже каждые несколько часов, изо всех вокс-динамиков дворца раздавался его визгливый голос, вещавший о развращённом Империиуме и о том, что лишь человек его взглядов может вывести общество на путь истинный. Гвардейцы уничтожали вокс-динамики всюду, где только могли. У них было довольно много прозвищ для Гога Вандира, но правильный титул был всего один — экклезиарх Гог I, 361-й магистр Администратума, лорд-протектор духовности Империиума человечества.

Гог Вандир узурпировал роль экклезиарха и использовал своё положение в качестве фундамента для

установления собственной диктатуры в Империи. У самого Имперского крестоносца была громадная армия и флот, созданные предыдущими епископами, а Вандир, будучи, несомненно, безумцем, обладал при этом огромным талантом по поиску податливых командиров Имперской Гвардии и Флота. В результате любая прихоть епископа исполнялась, и не было никого, кто мог бы остановить его. Амбиции Вандира росли до тех пор, пока не вышли за границы человеческой логики и не стали абсолютно безумными. И вот это безумие он навязывал Империи. Не поддававшиеся объяснению казни, порабощения и орбитальные бомбардировки, проведённые по его приказу, вызвали столь сильное религиозное помешательство, что в результате стихийных погромов и апокалиптических суицидов сгинуло больше народу, чем Вандир смог бы утробить при помощи подчинённых ему войск.

Он распространял нравственное разложение. Был настоящим ересиархом, иконой греха. И должен был быть уничтожен.

Адептус Астартес, космодесантники, были далеки от царствования Вандира. Их не волновала светская власть. В них не было желания править Империей. Но всему есть границы.

Генерал-фабрикатор Марса отправил легионы титанов и техногвардию, чтобы приструнить Вандира. Под их знамёнами сплотились не перешедшие на сторону епископа полки Имперской Гвардии. Потом к этому воинству присоединились Астартес, и судьба Вандира была предрешена.

Сержант Дениятос снял шлем и глубоко вдохнул.

— Святая Терра, — провозгласил он, — запах пороховых газов и пота. Лёгкий аромат ладана! Привкус разлитого горячего! Вот она, вонь святости, братья! Бывал ли когда-нибудь смрад столь святым?

— Зачем нам певцы и писари, — произнёс брат Торло, — когда у нас есть такой поэтичный сержант.

Полуотделение Дениятоса вместе с остальными отрядами Гарна расположилось в тыловой части периметра, установленного Имперской Гвардией сразу же за воротами. Дворец здесь представлял собой гигантские монастыри, с потолками такой высоты, что иногда внутри шёл дождь. Древние курильницы с давно высохшим ладаном свисали с терявшегося во мраке сводчатого потолка, опиравшегося на колоссальные колонны. Имперская Гвардия установила палатки, организовала склады боеприпасов, техническую станцию для приёма танков и лазарет с сотнями окровавленных коек. Командиры расположились в приделе, из позолоченных дверей которого торчал жгут проводов связи.

Астартес держались в стороне от гвардейцев. Солдаты благоговели перед ними, большинство из них не видели Астартес вживую до сегодняшней битвы, и даже самые бывалые и мрачные гвардейцы только и делали, что тарасились на космодесантников. Для них Астартес были отклонением, которое их человеческий разум не в силах был постичь. Внешне космодесантники были людьми, но при этом и не были — слишком высокие, слишком сильные, слишком смертоносные в каждом своём проявлении и движении.

Испивающие Души собрались вместе и молились. Они выполняли ритуалы обслуживания снаряжения, чистили оружие и броню, проговаривали вслух боевые упражнения, тем самым оттачивая разум. Это было не отдыхом, а подготовкой. Космодесантники не отдыхали.

Братьям, совершившим значимые убийства, было разрешено вскрыть черепа жертв и извлечь мозговое вещество. Отклонение в геноме Испивающих Души отразилось на их внутреннем органе, омофагии, сделав его необычайно чувствительным, поэтому полученные генетические воспоминания вызывали

мощные эмоциональные и духовные резонансы. В те времена это было религиозным обрядом, Испивающие Души проглатывали сырые куски розоватого мяса и переживали лившиеся из них воспоминания и чувства.

Были приняты необходимые меры для того, чтобы гвардейцы не видели ритуала. Моральные устои солдат были прямолинейны, поэтому не было уверенности в том, что при виде кровавых ритуалов Астартес гвардейцы сделают правильные выводы.

Вандир окружил себя такими же безумцами, как и он сам. Сразу после рекрутирования храмовников ломали психически, удаляли их человечность и индивидуальность, после чего их воссоздавали, заполняя сознание Имперским кредо. Закрывая глаза, они видели Гога Вандира. Открывая их — врагов, которых Вандир желал уничтожить.

Сотелин, послушник Дениятоса, отыскал своего командира, протолкавшись через царившую в монастыре суету.

— Брат, — обратился к нему послушник, — есть ли деяния, достойные записи?

Послушник был облачён в полуброню, которую в других орденах выдавали скаутам. У Испивающих Души новички не служили скаутами на поле боя. Вместо этого они перенимали науку войны, сопровождая старших братьев, постигая смысл бытия Астартес. Остроглазый и расторопный Сотелин быстро учился. Возможно, он заслужит право стать полноправным братом. Возможно — нет.

— Ничего значительного, — ответил Дениятос. — Не деяния делают нас теми, кто мы есть, послушник. А полученные знания. Если хочешь добавить новую строку в песнь о свершениях Дениятоса, отметь, что он чуть лучше стал понимать нашего врага.

— Непременно, брат-сержант, — произнёс Сотелин. — Прошу тебя поделиться открывшимся тебе знанием.

— Мы победим, — сказал Дениятос. — Существует ли большая истина?

****Из «Границ моральной стойкости», стр. 3876***

Сотелин сделал запись пером в инфопланшете, который держал в руках, ярко светящиеся зелёные слова на низком готике побежали по экрану.

Калинос похлопал Дениятоса по наплечнику.

— Братя желают, чтобы ты провёл ритуалы, — обратился к сержанту космодесантник. — Наш прицел был верен сегодня. Мы почтим его.

— Проведи ритуалы, брат Калинос, — ответил Дениятос. — Тебе не стоит беспокоиться о прицеле. В том, как ты стреляешь, нет недостатков. Скорее, тебе не хватает духовного понимания. Часы, потраченные тобой на тренировки с болтером, должны были быть совмещены с медитацией и изучением священных писаний ордена. Проведение ритуалов будет с этого момента твоей обязанностью.

— Как скажешь, брат, — отозвался Калинос.

Калинос собрал вокруг себя оставшихся воинов полукотделения Дениятоса и преклонил колени с

братьями. Они положили болтеры и тяжёлый болтер Даггерана на землю, благодаря машинных духов оружия за верную службу и обещая почёт и реки пролитой крови врагов в обмен на дальнейшую благосклонность. Столь много быта ордена было в подобных вещах, в деталях ритуала. Именно это спланивало Испивающих Души. Без этих мелочей Испивающие Души были бы простыми солдатами.

Окинув взглядом монастырь, Дениятос увидел капитана Гарна и полковника Севайнских Разбойников Рейлара, идущих по направлению к часовне. Командующие что-то обсуждали, возможно, план следующего штурма. Передышка вряд ли продлится дольше нескольких часов, Гвардия и Астартес пойдут дальше, как только плацдарм будет надлежащим образом укреплен.

За монастырями располагалась Гробница Малкадора. Сигиллит Малкадор, конечно, не был там похоронен, но каким-то образом эта часть дворца заполучила его имя, и теперь считалось, будто Малкадор и правда был там погребён. Гробница была настоящим лабиринтом, и, по имевшимся сведениям, храмовники вместе с телохранителями Вандира — Невестами Императора, укрепили там каждый перекрёсток и проход. Это будет кровавая баня. Многие гвардейцы погибнут. Некоторые Испивающие Души тоже. Огненные Ястребы уже обходили гробницу с фланга, отрезая пути подкреплению извне. Глухие звуки далёких взрывов то и дело отдавались через каменную кладку стен и пола.

Внимание Дениятоса привлекло что-то ещё. Несколько севайнских солдат сидели и пели, словно пьяные, с той поправкой, что, похоже, выпивки у них не было. Они чувствовали кого-то из своей компании, но кого точно, Дениятос разобрать не мог.

— Он бесстрашен! — выкрикнул кто-то. — Этот человек, больше чем просто человек! Он смотрел в морду Великому Кровоплюю Карадона и не дрогнул!

— Он был пленником владыки Друвана Нечистого! — воскликнул другой. — А когда выбрался, то принёс шкуру Нечистого с собой!

— Мы не потерпим поражения, пока он жив! — встрял ещё один голос. — Только не тогда, когда среди нас есть воин, прошедший все поля сражений, начиная с Хироса и до самой Джанны. Он проехал двадцать тысяч километров, чтобы перерезать глотку Пустынному королю! Он сыграл кровавый марш на черепе кардинала Борейского!

Солдаты одобрительно загудели, и Дениятос понял, что стал свидетелем их ритуала, грубой аппроксимации ритуальных обрядов Астартес, помогавших привести разум в порядок после боя.

Дениятос подошёл к гвардейцам. Первый, кто его заметил, казалось, съежился, едва космодесантник приблизился. Остальные прекратили празднование и повернулись к нему. Самый высокий из солдат едва дотягивался Дениятосу до плеча, броня делала космодесантника вдвое шире обычного человека. На гладко выбритом черепе и лице, пусть и достаточно молодом для Астартес, хватало отметин войны, чтобы посрамить любого ветерана из числа гвардейцев.

— О каком человеке, — спросил Дениятос, — вы говорите?

Пару секунд солдаты молчали. Они разглядывали сержанта с ног до головы — золочёную чашу на наплечнике, резного орла на керамитовом нагруднике и трехгранный символ похода на одном из поножей.

— Фиделионе, — ответил кто-то.

— Фиделион! — поддержал другой. — Величайший солдат всех времён! Каждый севайнец знает его имя.

— Он здесь сейчас? — продолжил расспросы Дениятос.

— Да! Он до смерти забил четырёх храмовников. Он даже добыл голову Невесты.

— Где он?

Один из севайнцев повернулся и указал колонну неподалёку. Там был разбит небольшой лагерь — палатка, костёр, несколько ящиков со снаряжением и боеприпасами.

Дениятос покинул солдат и отправился в сторону бивака. Одиноким гвардеец сидел на ящике с боеприпасами и подогревал на огне несколько рационов «мертвячины». Лазган был прислонён к колонне за спиной солдата, сам он был одет в поношенные брюки и жилет. На фоне костра выделялись голые руки, покрытые вытатуированными счётными отметками, уходившими под жилетку спереди и сзади. Лицо гвардейца было вытянутым и тощим, а волосы бледными. С первого взгляда было видно, что на груди воина уже не хватало места для медалей, поэтому часть из них размещалась на цепочке личного жетона и брючном ремне. Некоторые свисали с рукояти и дула лазгана.

— Ты — Фиделион, — обратился к нему Дениятос.

Человек поднял голову, собственный глаз у него был один. Второй был заменён бионикой, не такой утончённой, как та, что досталась Калиносу в кузницах ордена. Довольно грубая бионика гвардейца крепилась к стальной пластине, закрывавшей половину лба владельца.

— Да, я, — ответил солдат.

Фиделион стал первым человеком на памяти Дениятоса, кто выдержал взгляд Астартес. Он не дрогнул, как и говорили его сослуживцы. Было ясно, что мужчина рассматривал Дениятоса всего лишь как другого солдата.

— Я слышал, что ты — герой.

— Так говорят другие, — ответил Фиделион. — Мне повезло, что мои побратимы считают меня достойным.

****Полковые записи, хоть их и нельзя назвать исчерпывающими, не содержат информации о человеке с таким именем, служившим в рядах какого-либо соединения севайнцев.***

— В судьбе солдата нет места везению, — сказал Дениятос. — Он творит свою судьбу сам.

— Значит, я неплохо справляюсь, — поддержал разговор Фиделион. — Мне выпал шанс пасть на Святой Терре. Сколько гвардейцев могут похвастаться тем же? Бьюсь об заклад — ни один со времён Ереси.

— Ты прибыл, чтобы умереть здесь?

— Я прибыл сюда сражаться, потому что получил приказ. — Фиделион потыкал зашкворчавшие на огне рационы. — Так же как и ты, как и все остальные парни. Все мы здесь солдаты. В конце концов, все мы похожи.

— Я не считаю тебя похожим на других гвардейцев, — произнёс Дениятос, махнув рукой в сторону

остальных севайнцев, занятых отдыхом и чисткой оружия. — Они преклоняются пред тобой.

— Для Астартес ты проявляешь слишком много интереса к делам обычных людей, — ответил Фиделион. Он сказал это без злого умысла, продолжая помешивать «мертвячину». Это было мрачное варево из белка и питательных веществ. Гвардейцы находили какое-то особое веселье в распространении баек о том, что рационы и вправду делают из мяса покойников.

— Меня интересуют качества любого, кого другие называют героем, — сказал Дениятос. — Люди говорят, будто ты убил владыку Друвана и облачился в его шкуру.

Фиделион пожал плечами:

— Было холодно, — просто пояснил он.

— Почему они рассказывают все эти вещи? Что делает тебя особенным? — Дениятос присел на одно колено и теперь лишь немного возвышался над Фиделионом. Космодесантник стал ещё более настойчивым. Взгляды гвардейцев, говоривших о деяниях Фиделиона, возбудили в нём любопытство, которое Дениятос не мог понять в полной мере.

— Я не боюсь, — ответил Фиделион. — Меня не сжимает тот страх, который заставляет других людей совершать глупости. Даже сражаясь с сильным врагом, я не забываю, что бежать от него чаще всего опаснее, чем встретиться лицом к лицу. И я помню, за что сражаюсь. Силы, намного превосходящие меня самого, отправили меня на войну во имя Императора. Я верю в то, что сражаюсь по Его воле. Я уповаю на молитву и на лазган, который меня до сих пор не подводил. Пожалуй, это всё.

— Другие люди не такие как ты?

— К сожалению, — отозвался Фиделион, — не такие.

Огненные Ястребы, Испивающие Души и Севайнские Разбойники были частью сил вторжения в южные регионы дворца Экклезиархии. В первую очередь, это был такой же отвлекающий манёвр, как и захват Грегорианской базилики Имперскими Кулаками. По замыслу командования основные удары одновременно должны были нанести техногвардия и титаны Механикус на западном направлении и контингент Чёрных Храмовников, которые в десантных капсулах должны были обрушиться на кафедральный собор Императора Обожествлённого.

Как генерал-фабрикатор Механикус Гастаф Гедиатрикс, так и маршал Чёрных Храмовников Кефалон рассчитывали взять голову Вандира в качестве трофея. Отвлекающие удары должны были оттянуть силы защитников от собора и зала аудиенций экклезиарха — именно эти две точки рассматривались в качестве наиболее вероятных мест нахождения Вандира. Имперской Гвардии отводилась большая роль в этой кампании — жизнь Астартес ценилась высоко, а в гвардейцах недостатка не было. Они прекрасно подходили для самоубийственных атак на удерживавшиеся храмовниками и Невестами укрепления, в результате занятые отражением атакующих волн защитники не успевали противопоставить что-либо сваливавшимся на их головы космодесантникам. Гвардейцы гибли тысячами, их истерзанные лаз-огнём и пулями тела лежали в декоративных садах и нефах величественных часовен, плавали в покрасневшей воде зеркальных прудов.

Дениятос отстранённо наблюдал за развернувшейся вокруг него битвой. Астартес должен был быть сочетанием гнева и чести, а в бою его питала ярость самого Императора. Агрессия и нежелание

отступать были одними из критериев для отбора в послушники ордена. Дениятос же обладал другим качеством, требовавшим от него анализа героизма Фиделиона, видевшим сейчас битву за Гробницу Малкадора, как совокупность вероятностей.

Сама могила представляла собой массивную плиту из разноцветного мрамора с прожилками, расположенную внутри громадного склепа, с витражного потолка которого падали дымчатые лучики света. Сооружение было вычурным кошмаром — повсюду были каменные завитки и золотые статуи, сотни стилей сталкивались друг с другом и нагромождались один на другой, в результате чего гробница выглядела так, словно была инкрустирована позолоченными ракушками. Вокруг склепа были также расставлены группы статуй — ониксовые и янтарные епископы, протягивающие руки в попытке обрести благословление могилы, лежащие ничком дворяне в нарядах из порфира и агата.

Склеп был укреплен Невестами Императора. Протянувшиеся между статуями баррикады опутывала колючая проволока. Куски скалобетона блокировали несколько достаточно широких для прохода танков проёмов. Невесты, почти незаметные в своей кроваво-красной броне, вели огонь из укрытий среди пышного декора могилы. Лишь реактивные следы ракет и болтов указывали на их замаскированные среди позолоты и скульптур позиции.

Первыми пошли гвардейцы. Солдаты ринулись по внутреннему двору могилы сквозь шквальный огонь. Место, где возможно не покоилось тело Малкадора, стало мавзолеем для тысяч гвардейцев, павших в первые минуты штурма.

Полуотделение Дениятоса расположилось в укрытии за нефритовым кардиналом, оттуда сержант наблюдал за тем, как каждая атакующая волна Имперской Гвардии подходит всё ближе и ближе к склепу. Люди перелезали через колючку и подныривали под упавшие статуи, они гибли на каждом шагу, пока наконец выжившие одиночки или пары бойцов не находили себе убежища среди куч щебня. Некоторые рисковали жизнями, затаскивая раненных товарищей в укрытия. Другие лежали, съевшись, и хныкали, оставаясь безразличными к происходящему вокруг.

Новая волна атакующих устремилась вперёд, подстёгиваемая громкими приказами офицеров. Они тоже погибли, но уже в меньшем количестве, выражение «ковёр из тел» приняло буквальный смысл. Офицер вытащил меч и указал острием на гробницу, выкрикивая отчаянную молитву. Его сразил выстрел, но окружавшие его люди продолжили наступать.

Целью этой бойни не было уничтожение Невест Императора. Учитывая, что последние находились в укрытиях и были облачены в тяжёлую броню, долетавший до них лаз-огонь, в лучшем случае, имел эффект лёгких шлепков. Гвардейцы были просто отвлекающим манёвром внутри отвлекающего манёвра. Пока у Невест хватало целей среди людей, они не стреляли по Астартес. Кровавая арифметика прокрутилась в голове Дениятоса, и он понял, что это сработает.

— *Астартес! Вперёд!* — раздался по воксу призыв капитана Гарна.

— За мной, братья! — отдал приказ полуотделению Дениятос и побежал.

Испивающие Души последовали за редющими стрелковыми цепями гвардейцев. Дениятос вёл свой отряд, лавируя между поваленными статуями и изрешечёнными святынями. Он видел сходящиеся секторы огня и нырял в разрывы между ними. Он проложил маршрут и строго следовал ему, игнорируя баррикады с колючей проволокой, сержант и его воины просто шли напролом.

Умиравшие гвардейцы просили помощи у пронесившихся мимо космодесантников. Тела хрустели под их

бронированными саботонами. Испивающие Души бежали вперёд, и к тому моменту, как Невесты Императора перенесли огонь своих орудий на Астартес, те были уже слишком близко.

Дениятос пересёк границу отбрасываемой гробницей тени. Теперь он видел Невест — те тоже носили силовую броню, но не обладали аугментацией Астартес и уступали космодесантникам в росте. На красных доспехах были видны золотые тиснения символов Экклезиархии. Невесты шли в бой с непокрытой головой, и Дениятос отметил про себя непривычные женские черты лиц. Женщины вели шквальный огонь из болтеров, Дениятос также слышал визг цепных мечей.

Испивающие Души добрались до склепа. Штурмовые отделения с реактивными ранцами взмывали на огненных струях ввысь, приземляясь среди сооружений на вершине гробницы. Дениятос и тактические отделения атаквали нижние этажи, карабкаясь среди скульптур, с целью обойти укрепления Невест и сойтись с врагом лицом к лицу.

Дениятос запрыгнул на позолоченную колесницу, запряжённые в неё скульптуры коней навеки замерли несущимися во весь опор. За изваяниями скрывалась Невеста, глаза её сузились при виде подбиравшихся к гробнице Астартес.

Женщина подняла болтер, но Дениятос уже спрыгнул на неё с колесницы, отбросив Невесту назад. Прежде чем сержант выстрелил, воительница отбросила дуло его болтера в сторону ударом своего собственного и потянулась рукой к глотке космодесантника.

Дениятос перехватил руку женщины за запястье и вывернул. Плечевое соединение её брони треснуло, наплечник с золочёным символом розы сполз вниз. Лицо Невесты скривилось. Дениятос вдавил колено в живот женщине и повалил наземь, придавив собственным весом.

Он ударил противницу головой о гробницу, и брызнувшая кровь запачкала мрамор.

— Нас не сломить, — прошипела Невеста сквозь окровавленные зубы. — Мы не побежим. Такова воля Императора.

Дениятос вырвал болтер из её хватки, ткнул дуло воительнице под подбородок и выстрелил.

«Ну вот именно так всё и должно было случиться», — подумал он.

Часть 2 — 319.M36

Архангельск был газовым гигантом, и убить такой мир было довольно трудной задачей.

Принципы разрушения подобных планет были хорошо изложены в теории, но никогда не проверялись на практике. Редко когда удавалось израсходовать требовавшиеся для экстерминатуса ресурсы просто ради проведения эксперимента для проверки работоспособности теории. Так что Инквизиции пришлось ждать, пока не появится подходящий населённый нечестивцами мир, на котором можно было бы опробовать эту форму экстерминатуса.

Приговор Архангельска был заключён в нескольких гигантских сферах, покоившихся в трюмах ударного крейсера Астартес, подобно яйцам в брюхе космического монстра. Каждая из них содержала две изолированные части антиматерии, которые, как настойчиво утверждали техножрецы, при слиянии полностью аннигилировали друг друга, создавая абсолютную пустоту без пространства и времени. Эти

пустоты могли просуществовать столь малые доли секунды, что явление могло быть измерено лишь при помощи древнейших когитаторов. В один краткий миг реальность обрушится вокруг каждой сферы, и это обрушение, эта имплозия, прозвучит похоронным колоколом для Архангельска.

Реакция, запущенная в глубине Архангельска, рядом с каменистым ядром планеты, вызовет ударные волны, которые, прокатившись по газовому гиганту, вызовут массивный выброс верхних слоёв газа. Эти слои состояли из высокотоксичного газа, бурлившего в бесконечных грозах, в которых также кружились обломки астероидов, куски льда, захваченный космический мусор и прочие осколки. Внешние слои закрутятся в кошмарном токсическом урагане, который поглотит девятнадцать лун Архангельска. Семь из этих спутников были заселены, три — густо, и среди их населения пустила корни ересь, известная как Бесконечная Спираль.

****Хотя события на Архангельске по большей части неоспоримы, некоторые современные источники придерживаются версии, что Бесконечная Спираль приняла участие в ереси после вмешательства Испивающих Души.***

Бесконечная Спираль начиналась, как призыв к просвещению, а закончилась проклятием. Первыми членами общества стали учёные университетов Архангельска, которые, в виду отсутствия надзора со стороны постоянного контингента Адептус Механикус, стали экспериментировать с вопросами, которых они касаться не должны были. Один из них, сейчас уже никто не мог точно сказать кто, обнаружил опасный секрет, сокрытую истину о существах, паривших на ветрах газового гиганта. Как оказалось, это было метафорой, описывавшей существ, обитавших в варпе, отделённого от реальности так же, как внутренний мир газового гиганта был сокрыт от людских экспедиций бушевавшими на Архангельске штормами.

Бесконечная Спираль нашла способ установить связь с тварями из варпа. Адепты культа считали, что обретут славу и разгадают секреты, лежавшие за пределами понимания людей. К сожалению, они оказались правы.

Культисты Бесконечной Спирали должны были умереть до того, как их ересь получила бы широкое распространение в Империи. И смерть придёт за ними в виде острого, как бритва, ветра, который прокатившись по городам, обдерёт мясо с костей людей, а там, где возвышались могучие ульи, останутся лишь обшарпанные руины. Архангельск был центром великой мудрости и учений. И в свои последние мгновенья его население познает, что лучше бы им было оставаться невеждами.

Для запуска экстерминатуса требовалось выбить еретиков культа Бесконечной Спирали с орбитальных оборонительных платформ в верхних слоях атмосферы Архангельска. За этим сюда прибыли Испивающие Души.

Выбив плечом люк десантной капсулы и пристрелив первого за этот день еретика, Дениятос впервые увидел Архангельск через смотровые окна платформы — планета была бурлящей сферой персикового цвета.

— Выходим! — скомандовал Дениятос, и девять боевых братьев его отделения высыпали из капсулы, построившись вокруг командира с завывающими цепными клинками наготове. Наколенник каждого Астартес украшал символ отделения Дениятоса — книга, пронзённая молнией — личная геральдика

Дениятоса.

Брат Йелт, сержант Дениятоса, позволил новым боевым братьям окропить свои мечи. Космодесантники обрушились на культистов, которых полностью застала врасплох десантная капсула, пробившая потолок импровизированного храма. Каждый культист был ходячим произведением искусства. Они выглядели величаво в своих невесомых красных шелках, которые в условиях слабой гравитации развевались словно плавники морских существ. Дениятос заметил, как только что застреленного им культиста надвое рассек удар цепного клинка, другой был обезглавлен едва заметным движением руки. Культисты поскакали прочь, уплывая в сторону потолка погруженного в сумрак громадного отсека, некоторые карабкались вверх по установленным на стенах поручням.

Йелт ринулся вперёд и ударом силового кулака отправил одного из культистов в полёт через всё помещение, алый взрыв на дальней стене отметил место гибели несчастного.

Дениятос провёл быструю рекогносцировку местности. Разведанные по платформе были поверхностными, известно было только то, что защищают её значительные силы адептов Бесконечной Спирали, а гравитация практически отсутствует, поэтому сражаться Испивающим Души приходилось в примагнитченных к поверхности саботонах. Судя по всему, они высадились в бывшем грузовом трюме — громадном и плохо освещённом отсеке. Бесконечная Спираль превратила его в собор смерти. То, что он поначалу принял за поручни на стенах, не являлись таковыми вовсе — это были сотни прибитых к стенам и потолку обнажённых тел людей, руки которых свободно колыхались, словно громадная толпа покойников постоянно аплодировала. На вершине возвышавшейся у дальней стены отсека ступенчатой пирамиды был сложен гурий из отрубленных голов.

За первые секунды боя двадцать или около того культистов превратились в пятнадцать. Уцелевшие открыли ответный огонь, пасти сектантов гротескно широко распахнулись, и из них, словно стальные языки, показались ружейные стволы. Грохот перестрелки заполнил храм, выстрелы болт-пистолетов Испивающих Души размазывали культистов по стенам или отправляли тела несчастных в неуправляемый полёт кувырком. Йелт ухватил пытавшегося прыгнуть к потолку сектанта за лодыжку и пробил силовым кулаком грудную клетку мерзкого выродка. Кровь брызнула из разорванного тела, в воздухе повисла алая дымка, словно сражение происходило в воде.

Дениятос выпрыгнул из десантной капсулы и устремился к гурию на вершине пирамиды. Он знал, что культисты не представляют опасности, поэтому не особо задумывался о них. Это было пушечное мясо, сброд. Даже меньше, чем просто ничто. Йелт и боевые братья справятся с ними без проблем.

Дениятос сфокусировался на руне, светившейся на ретинальном дисплее, и отключил магнитные подошвы. Космодесантник прыгнул к пирамиде, выгнувшись, чтобы скорректировать дугу, по которой снижался прямоком на гурий. В руке его ожил силовой клинок, злобно потрескивавшее энергетическое поле окружило обсидиановое лезвие.

Тварь внутри гурия отреагировала раньше, чем Дениятос приземлился. Глаза отсечённых голов распахнулись и уставились на стремительно снижавшегося Астартес. Гурий видоизменился и внезапно перестал быть просто горой трофеев, сотня голов гроздьями повисла на плечах зверюги, размерами превосходившей любого космодесантника. Существо выбралось из пирамиды, явив мощную грудь с клеймом в виде черепа. Руки его заканчивались клешнями, как у гигантского краба, только эти были закованы в бронзу и инкрустированы драгоценными камнями. Нижняя часть тела была похожа на мускулистого червя — тысячи искривлённых лап поддерживали личинкоподобную тушу.

Рты распахнулись и завопили. Кровавые слёзы хлынули из двух сотен глаз. Навстречу Дениятосу взметнулась клешня.

Дениятос прынул в сторону, и когти клацнули рядом с ним. Дальше он падал, потеряв всякое управление, и рухнул на верхнюю ступень пирамиды. Клешня метнулась к нему сверху вниз, Дениятос ударил по ней силовым клинком, использовав энергию разряда силового поля, чтобы убраться подальше. Чудище встало на дыбы и исторгло на космодесантника поток пылающей крови.

Дениятос перекатился в сторону, но кровь всё же окатила его. Он услышал, как вещество шипит, вгрызаясь в керамитовую броню нагрудника и правой руки. Дымящееся лезвие меча распространяло волны смрада, с которым кровь испарялась при контакте с энергетическим полем. Линзы шлема были забрызганы, окружающий мир погрузился в красный туман.

Испивающий Души опустошил в монстра полмагазина болтера, уверенный, что видел сквозь дымку, как взорвалось несколько черепов. Но голов было слишком много, и он не мог расстрелять их все.

Ещё один воин прыгнул на чудовище — брат Сотелин, лишь недавно переведённый из послушников в ряды полноценных боевых братьев для дальнейшего изучения штурмовых доктрин. Одна клешня ухватила Сотелина поперёк живота, а вторая сомкнулась на ноге. Испивающего Души подтащили к многочисленным пастьям монстра, Сотелин на половину исчез из виду среди голов, жадно вцепившихся клыками в затрещавшую и расползающуюся под таким напором силовую броню.

Этот зверь был определенно демоном. Существом, обитавшим за гранью реальности — в варпе. Бесконечная Спираль принесла в жертвы миллионы людей на спутниках Архангельска. Их калечили и безжалостно вырезали. Адепты ереси приказывали гражданам убивать родственников, а самых травмированных собственными деяниями забирали в свои соборы и сады пыток, где превращали их в новых культистов. И через все эти страдания и пролитую кровь они притащили в реальность монстра.

Дениятос кинулся к демону. Врезавшись в тушу, он сшиб с коренастой шеи одну из многочисленных голов. Космодесантник сунул болт-пистолет в кобуру и ухватил Сотелина за руку, выдёргивая боевого брата из месива. После Сотелина остался окровавленный кратер, который тот вырезал цепным мечом, даже будучи раздираемым на куски. Израненное тело юного боевого брата упало вниз.

Дениятос вогнал силовой меч в брешь, сделанную Сотелином. Кровь шипела и испарялась. Космодесантник почувствовал, что мышцы и кости твари поддаются.

Сотелин сохранил достаточно ясности разума, чтобы понять, как именно они убьют монстра. Уцелевшей рукой Астартес отстегнул с пояса мелта-бомбу и бросил её Дениятосу.

Дениятос подхватил заряд, корпус здоровенного цилиндра покрывали магнитные замки для крепления к вражеской бронетехнике. Космодесантник прокрутил меч и расширил рану в теле демона. Дениятос разглядел зелёно-чёрные сухожилия среди костей, покрытых крошечными скрежетавшими зубами пастьями.

Он воткнул мелта-бомбу в брешь и повернул рукоять, взводя детонатор. Астартес начал отталкиваться прочь от демона, колыхающаяся трясина израненных голов попыталась засосать его ноги обратно.

Клешня ухватила космодесантника. Дениятос вскинул меч и вставил его в створку, не давая клешне захлопнуться вокруг тела. Демон был силён. Энергетическое поле со вспышкой разрядилось в клешню, вырвав куски бронзы и обнажив находившиеся под металлом кости.

Мелта-бомба взорвалась. Раскалённая сфера набухла в глотках демона. Кости были сожжены, а плоть вскипела. Плавающие головы падали вниз, подобно горящим плодам с дерева. Хватка клешни ослабла, и Дениятос разжал её, отступив обратно к пирамиде.

Уцелевшие головы завывали, и в этом вопле Дениятос услышал скорбь всех принесённых в жертву ради вызова этой твари. Подоспели остальные воины отделения, они прыгали сквозь кровавую дымку и пепел сожжённых костей. Цепные клинки рассекали шеи, головы сыпались градом и разлетались по собору, продолжая вопить и корчить гримасы ненависти. Дениятос прыгнул и присоединился к братьям, не сдерживая себя. Сквозь красный туман виднелись искромсанные лица.

Демон был расчленён буквально на куски, после длившейся, казалось бы, несколько часов резни, его мёртвая туша рухнула на верхние ступени пирамиды. Скорее всего, именно Йелт прикончил тварь, пробив грудную клетку монстра и раздавив его сердце силовым кулаком.

Единственными звуками, оставшимися в зале храма, были едва слышные шлепки, с которыми капли крови врезались в стены и распадались на миллионы алых сфер.

— Сотелин? — спросил Дениятос.

— Он жив, капитан, — ответил Йелт. Сержант стоял над Сотелином, привалившимся к одной из стен. Конечности приколоченных к стене мертвецов опутывали космодесантника, Сотелин выглядел как один из них — мёртвый и давным-давно прищипленный культистами Бесконечной Спирали. Одной руки не было, только обрубок кости, торчащий из искорёженного керамика. Половины шлема не было, в пробоине виднелось кровавое месиво.

— Позаботьтесь о нём. Нам приказано соединиться с силами Гарна в машинном отделении. Апотекарий Гораллис сможет заняться им там.

Штурмовой отряд собрался вокруг Сотелина, проверяя, остановилось ли кровотечение, и считывая жизненные показатели с брони. Человек наверняка бы умер. Сотелин человеком не был. Он выживет.

Отряд Гарна также довольно быстро разделался с адептами Бесконечной Спирали, удерживавшими инженерный отсек — самое большое помещение на станции. Там они наткнулись на колдунов культа, державших в руках инкрустированные изумрудами черепа. Из мёртвых пастей на Испивающих Души волнами изливалась зелёная магия. Ведьмаков расстреляли, их мерзкой магии противостоял библиарий Аскелон, испепеливший разумы нечестивцев собственными психическими силами.

Испивающие Души собрались вокруг позиции Гарна, расположенной среди гигантских удерживавших станцию на высоте плазменных турбин. Из прохуdivшихся труб вырывался пар, создававший повсюду туманную завесу и беспрестанно капавший маслянистый дождь из конденсата. Трупы сектантов из Бесконечной Спирали были уже свалены в груды к моменту появления штурмового отделения Дениятоса. Апотекарий Гораллис сразу же занялся Сотелином, вколов космодесантнику метаболические стабилизаторы и приказав слугам ордена перевязать раны Сотелина.

— Он был моим послушником, — сказал Дениятос, наблюдая за работой Гораллиса. — Несколько лет назад. На Терре.

— Я читал сказания о тебе, — ответил Гораллис, не взглянув на собеседника, и снял нагрудник Сотелина. Половину груди раненого космодесантника усеивали отметины зубов, создавалось ощущение, что на кожу плеснули кислотой. — Ему выпала честь стать свидетелем таких событий.

— По правде говоря, лирики в нём было мало, — произнёс Дениятос. Сказания Сотелина были сухими и занудными даже на взгляд Дениятоса, чьи подвиги в них воспевались. — По-своему, он был хорошим Астартес. Никогда не задавал вопросов. Никогда не сомневался.

— Благословенный разум, — отозвался Гораллис. Высказывание было настолько известным, что заканчивать его не было нужды. Благословенный разум не вмещает сомнений.

— Будет ли он сражаться вновь? — спросил Дениятос.

— Вероятность такая есть, — ответил Гораллис, — но небольшая. Руке досталось так сильно, что обычной бионикой уже не обойтись. Плечо, эту половину грудной клетки, вероятно, и эту сторону таза тоже не спасти. Всё это надо заменить. Возможно, ремесленники ордена смогут что-то сделать с ним. Если они преуспеют и выяснится, что ранения в голову не отразились на мозговой деятельности, то брат Сотелин вернётся в строй. А иначе...

И вновь Гораллису не требовалось заканчивать фразу. Бывали случаи, когда Испивающий Души навсегда утрачивал боеспособность, но не погибал, и даже бионика не могла выправить ситуацию. Иногда, если речь шла о ценном герое ордена, такой Астартес помещался в один из саркофагов дредноута — наполовину систему жизнеобеспечения, наполовину — машину войны. Во всех остальных случаях такие калеки становились зрителями крепостных — следили и командовали неулучшенными слугами ордена. Мрачная судьба для космодесантника. Никто не хотел бы лишиться радостей битвы и провести остаток дней в обществе тех, кто никогда не смог бы достичь стандартов Астартес.

— Что ж, я сомневаюсь, что сейчас кто-либо сложит сказание о брате Сотелине, — произнёс Дениятос.

— Возможно, — отозвался Гораллис, — именно здесь начнётся сказание о нём. — В голосе его было мало уверенности в собственных словах, поэтому рассчитывать на высокие шансы для такого события не приходилось. Слуга ордена начал удалять омертвевшую плоть вокруг обрубка руки Сотелина при помощи медицинского лазера. Дениятос отвернулся и пошёл в сторону своего штурмового отделения.

— Капитан Дениятос, — раздался незнакомый голос. Дениятос увидел приближавшуюся фигуру, ростом не превосходившую обычного человека и гораздо меньше любого Астартес, но в этой персоне было достаточно представительности, чтобы быть заметной среди гигантов. Носил он сделанную на заказ панцирную броню, с виду похожую на богато украшенный пластинчатый доспех, который можно было бы отыскать на отсталом мирке, только в груди был размещён персональный генератор поля, стилизованный под литеру «I». Отделанный мехом горноста я красный бархатный плащ ниспадал с плеч человека, в руках покоилась трость с набалдашником из слоновой кости, в которой, как полагал Дениятос, скрывался силовой клинок. Он обладал вытянутым тёмным лицом эрудированного человека, глаза были чёрными как смоль, а нос крупным. Смонтированный на плече болтер, подключённый к системам брони, постоянно рыскал в поисках целей.

— Инквизитор, — поприветствовал человека Дениятос.

Инквизитор Кайеда слегка поклонился.

— Могу я отнять немного вашего времени? — Инквизитор махнул в сторону противозрывных дверей, за которыми находилось помещение центрального пульта управления. Дениятос следом за Кайедой прошёл через арку дверей, покинув Испивающих Души. Именно Кайеда привлёк их орден к операции на Архангельске, технически, он был здесь главным, но Дениятос понимал, что даже этот человек хорошенько подумает прежде, чем бросить вызов капитану Гарну.

— Хороший выдался денёк для войны, насколько я понимаю, — начал Кайеда, когда они вошли в командный центр. На одной из стен отсека помещались окна, из которых открывался захватывающий дух вид на Архангельск, верхние слои атмосферы проигрывали борьбу с тьмой космоса. Отражённый свет солнца системы окрашивал отсек в персиковые тона.

— Я потерял брата, — ответил Дениятос. — Он отмщён, но гнев остался.

— Прискорбно слышать это, — мягко посочувствовал Кайеда. — Меня убеждали в том, что...

— Это был демон, — прервал его Дениятос. — Мы же не суеверные жители улья, инквизитор. Можем говорить о таких вещах открыто.

— Хорошо. Тогда вам будет понятна моя заинтересованность. Учитывая природу наших врагов, инквизитор обязан быть учёным. Бесконечная Спираль, без сомнений, могла призвать подобное существо в наш мир, но я не нашёл ни одного свидетельства того, что культисты это сделали.

— Это был многоголовый монстр, — ответил Дениятос. — Огромный и с клешнями. Он выбрался из под гурия, сложенного из человеческих голов, всё это происходило в зале, отделанном человеческими телами.

— Ага, — понимающе кивнул Кайеда. — Двухсотглазый. Я видел его описание в текстах, надиктованных жрецами Спирали. Действительно — мерзость.

— Тёмные дни, — ответил Дениятос.

— Настолько тёмные, что начинаешь задумываться, вернётся ли свет. Лишь после падения Вандира мы с коллегами осознали, сколь много порчи безнаказанно распространилось в годы его правления. Нам предстоит сокрушить ещё множество Бесконечных Спиралей, сжечь множество Архангельсков, прежде чем угроза со стороны Великого Врага пойдёт на убыль.

Дениятос некоторое время молча рассматривал Кайеду. Об инквизиторах чаще говорили, чем видели их на самом деле, и хотя орден Испивающих Души уже сталкивался с ними во времена службы Дениятоса, последний ни разу не встречался лицом к лицу с одним из этих мифических людей. Капитан ожидал от инквизитора большого ораторского искусства и не был разочарован, но, казалось, что Кайеда был достаточно искренен в своих словах.

Испивающие Души прибыли на Архангельск, потому что Кайеда попросил их. Он не падал ниц перед магистром ордена, не бухался на колени и не молил их слёзно. Вместо этого он прислал подписанный каплей собственной крови запрос, а во время церемонии представления магистру ордена Аргурату лишь слегка преклонил колени. Для инквизитора это был просто театральный жест.

— Великий Враг не отступит никогда, — ответил Дениятос словами капелланов, чьи лекции он слушал, будучи послушником. — Он никогда не потерпит поражения. Сражение с ним ведётся не ради победы, но ради самой борьбы. Ибо противостояние Тёмным силам само по себе является наградой. Сражение с ними уже является победой.

***«Вооружение души», стр. 616**

— Вы говорите о Хаосе, — сказал Кайеда, бросив лукавый взгляд.

— Конечно.

— А, я — нет.

— Тогда с каким же врагом вы сражаетесь? — спросил Дениятос, внутренне напрягшись. Хотя Кайеда и был таким же слугой Императора, как Испивающие Души, он оставался чужаком, и Дениятос на самом деле не знал инквизитора.

— Подумай вот о чём, брат, — ответил Кайеда. — Что если существует враг, который полностью окружил нас, добрался до всех закоулков Империи? Знающий все наши секреты и слабости. Проникший на каждую планету, на каждый корабль Флота, в каждый полк Гвардии. Который перестанет травить нас только тогда, когда мы полностью выйдем.

Дениятос одарил Кайеду длительным взглядом. Только сейчас он заметил старческие морщины вокруг глаз и торчавшие из брони змеящиеся трубки, воткнутые в кожу шеи — ювенантные процедуры, решил Дениятос. Возраст Кайеды невозможно было оценить. Будучи инквизитором, он мог затребовать самые дорогостоящие и редкие медицинские процедуры для продления своей жизни. Минуло ли ему сто лет? Быть может триста? А может и того больше?

— Ты имеешь в виду, — произнёс Дениятос, — человечество.

— Человечество! — улыбаясь, повторил Кайеда. — Нет большей угрозы для Империи, чем люди, которые им правят. Мы с тобой стоим в стороне от прочих, капитан Дениятос. Мы их пастыри, защитники. Но подумай об опасности, которую они представляют! Люди многократно превосходят нас числом. Их триллионы! И они повсюду! Если выродки, подобные Бесконечной Спирали, смогут быстро разрастаться, то Империя утратит контроль над человечеством, поскольку эти невежды начнут понимать, какие возможности лежат за его пределами! Их соблазнит власть и удовольствия. Они впадут в страх, воцарятся безумие и анархия. Они растерзают Империю, если мы это допустим!

— Но Испивающие Души не сражаются против граждан Империи, — сказал Дениятос. — Только в случаях восстания или обращения к Тёмным силам, тогда — да, мы сражаемся. Но мы также сражаемся против ксеносов. Эти точно являются врагами Империи, не так ли?

— В этом и состоит моя мысль, капитан! Почему мы сражаемся с чужаками? Зачастую в намерения пришельцев не входит натравить на нас соотечественников. Но даже когда ксеносы заинтересованы лишь в убийствах, разве конечная угроза не проистекает от населения Империи? Не хищники ксеносов наносят нам максимальный урон, но безумства и разобщение, вызванные страхом перед пришельцами! Намного больше вреда будет причинено именно так, а не действиями самих чужаков. Так что, сражаясь с ксеносами, мы тем самым устраняем угрозу со стороны граждан Империи.

— А твари подобные Двухсотглазому? Враги, обитающие за гранью?

— Вы слишком умный индивидуум, капитан Дениятос, чтобы обсуждать столь простые вещи, — ответил Кайеда. — Двухсотглазый даже не появился бы в нашей вселенной, не призови его адепты Бесконечной Спирали, которые до обращения к Тёмным силам были кислородными фермерами и работягами из улья. А ужас и страх, окружающий выпущенного на волю демона, вызывают даже большие разрушения, чем мог бы сотворить сам Двухсотглазый.

— Получается, что враги — мы сами, — подытожил Дениятос, в голосе его зазвучали гневные нотки.

— Нет, брат, — ответил Кайеда, — мы — не обычные люди. Ты — Астартес, а я — инквизитор. В нас есть

та сила духа, которой не обладает большинство. Что даёт нам возможность распознать истинного врага и сразиться с ним. Поэтому именно на наши плечи должна опуститься ноша по правлению и защите Империи, ибо достанься она населяющим его миры гражданам, враг победит, а Империя будет разорвана на куски...

— Гражданам, как Вандир, — высказался Дениятос.

— Лучшего примера не мог бы привести я сам, — согласился инквизитор.

Дениятос опёрся на панель управления, приблизившись лицом к окну. Вырывавшиеся в верхние слои атмосферы шторма Архангельска оставляли после себя длинные спиралевидные красноватые шлейфы газов. Вспышки пламени отмечали места столкновения космического мусора с телом планеты. Глубоко возле ядра Архангельска газ становился плотнее и горячее, и иногда в верхних слоях появлялись выбросы светящегося жёлтого газа. Именно эти пожары раздует экстерминатус, чтобы спалить планету дотла.

— Я начинаю понимать, на каких основаниях инквизитор может требовать гибели миллионов людей, — произнёс Дениятос.

— Всё так и есть, — подтвердил Кайеда, — но даже инквизитору такие решения не даются легко. Поскольку человечество является странным врагом. Мы не можем уничтожить его просто потому, что оно представляет угрозу для нас, так как мы обязаны его защищать. Я придерживаюсь философии, гласящей, что Империя является проекцией воли Императора и должен быть сохранён. Допустить бессмысленное насилие, значит проигнорировать волю Императора. Таким образом, мы должны аккуратно отсеять заслуживающих смерти, чтобы сохранить большую часть человечества. Таково наше бремя — тех, кто стоит в стороне. Принимаемые нами решения — самые тяжёлые из тех, которые только можно вообразить.

— Так кто же мы? — спросил космодесантник. — Пастыри человечества? Сторожевые псы?

— И те, и другие, — ответил инквизитор. — Среди нас — некоторые инквизиторы, Адептус Астартес, но, боюсь, не все ордены. Несколько астропатов, возможно — некоторые Адептус Арбитрес. Нас в самом деле очень мало. Не более чем штришок на поверхности людских масс. Пастухи человечества, да уж, только с поправкой на то, что в стаде полно волков в овечьих шкурах.

— Ясно, — сказал Дениятос. — Но всё же, это слова одного единственного инквизитора. Я не настолько глуп, чтобы думать, будто вы все так считаете.

— Конечно. Но каждый из нас убеждён в собственной правоте, как и я. Когда кто-то стоит особняком, как ты и я, то эта персона должна принимать собственные решения.

По орбитальной станции прокатилась дрожь, свидетельствующая о перенаправлении энергии плазменного реактора, расположенного под турбинной палубой. Россыпь тревожных огоньков замигала на панели управления.

— А, — воскликнул Кайеда, словно человек анонсирующий перемену блюд на банкете, — экстерминатус.

Боеголовки экстерминатуса, оставив за собой полосы света, вылетели из орудийных портов платформы. Казалось, они воспламенились, едва достигнув плотных слоёв атмосферы, раскалившиеся от трения корпуса подожгли газы. Боеголовок было шесть, и след от них напоминал когтистую лапу, устремившуюся к сердцу планеты.

— *Всем отрядам,* — раздался по воксу голос капитана Гарна. — *Приготовиться к эвакуации. «Громовые ястребы» на подходе.*

— Через пятнадцать минут это место поглотит атомное пламя, — улыбаясь, прокомментировал Кайеда.
— Нам пора.

****Кайеда был казнён в 616.МЗ6 за государственную измену и другие преступления против Империи.***

Дениятос наблюдал за смертью Архангельска через мониторы на мостике «Охотничьего пса» — ударного крейсера, с которого начиналась в своё время атака. Крейсер находился в межпланетном пространстве — между четвёртой и пятой планетами системы, поджидая космические корабли с гипотетическими беглецами-культистами Архангельска. Никто не объявился. Даже если еретики поняли суть надвигавшейся на них катастрофы, этого явно было недостаточно для побега. Астартес работали быстро. Ни у кого на спутниках Архангельска не было даже шанса.

Пламя в ядре планеты разгорелось до критической массы и вырвалось наружу, взорвав верхние слои атмосферы. На крупном плане Дениятос наблюдал за тем, как бритвенно-острые ветра прокатились по одной из лун, сжигая и убивая всё на своём пути. Тёмный с вкраплениями света город в мгновение ока посерел и истончился, как шелушащаяся больная кожа. На месте выкипевших бурых океанов остались лишь тёмные шрамы. Поверхность спутника пошла яркими трещинами от прорвавшейся из недр магмы. Реки расплавленной породы проложили себе русла там, где ещё несколько минут назад жили миллионы людей. Вырванные беспощадными огненными бурями куски коры взлетели в воздух. Луна начала терять свои очертания, громадные куски спутника, откалываясь, уходили с оси вращения.

Жуткая картина повторялась на каждом спутнике Архангельска. Население полностью исчезло, единицы, пережившие первый удар, погибли внутри разрушившихся подземных бункеров, когда внутрь хлынула магма.

Дениятос представил себе страдания. Не только от экстерминатуса, хотя ужас и боль, вызванные им и продолжавшиеся всего несколько минут, были поистине кошмарны. Еретики Архангельска наводили ужас на жителей спутников. Экстерминатус в какой-то степени был милосердной смертью.

Страдания привели сюда Инквизицию и Астартес. Страдания стали причиной вырезания еретиков.

Человечество было врагом. Возможно, страдание было оружием.

Часть 3 — 322.МЗ6

Говорили, что «Сверкающая смерть» была стара как сам орден. Этот корабль передали в дар Испивающим Души во времена их основания, когда орден был выделен из специализировавшихся на быстрых атаках отделений Имперских Кулаков. Это случилось сразу после Второго основания, на заре нынешней эпохи Империи.

****Нет. Нет. Нет!***

Годы не были благосклонны к кораблю.

«Сверкающую смерть» построили на верфях Марса, в стиле, вызывавшем одновременно ощущение простора и клаустрофобию. С некоторых углов корабль представлялся тюрьмой — плоскости и углы жёсткие и сокрушительные. С другой стороны он напоминал тронный зал гиганта, с похожими на престолы чудовищными контрфорсами. А ещё там было темно. Хоть глаз коли. Даже улучшенное зрение Дениятоса с трудом проникало сквозь глубокие тени, царившие в закоулках широкого коридора, проходившего вдоль хребта корабля.

У него не было ни силового клинка, ни болтера. В этом месте Дениятос не нуждался в оружии.

Первый голос прилетел тихо, словно дуновение ветерка, хотя воздух оставался неподвижным. Дениятос заметил серебряные отметины изморози, засверкавшие на броне.

— Трус, — произнёс голос.

Периферийным зрением космодесантник заметил бледное лицо, замерцавшее на стене. Глазницы призрака были столь глубоки, что походили на две чёрные бездны, а на устах застыл злобный оскал.

Призраков становилось больше. Дениятос знал, что здесь будут привидения, но понятия не имел, ни как они появятся, ни что будут делать. Говорить о призраках было запрещено. «Сверкающая смерть» должна была оставаться тайной.

Замерцали новые лица. Невероятно высокие силуэты людей, состоявшие из серебристых элементов брони, проходили сквозь структуры кораблей, таща за собой длинные призрачные шлейфы. Шедший по направлению к расположенным в мидель шпангоуте дверям тронного зала Дениятос оглядывался вокруг, стараясь убедиться в том, что ни один из духов не зашёл ему за спину незамеченным.

Две тысячи лет назад «Сверкающая смерть» исчезла при выполнении варп-перехода. Через пять лет корабль вернулся, населённый призраками Испивающих Души, некогда сгинувших вместе с ним. Ныне же привидения, завидующие всему живому, охраняли свои владения.

****Если это действительно так, то не в этом ли корень порчи Испивающих Души?***

Двери тронного зала были открыты, одна из створок едва держалась на петлях. Дениятос перешагнул через павший металл и оглядел зал, единственным украшением гигантского помещения был сам трон. Это был корт космического короля, вокруг на высоту в десять этажей возносились смотровые галереи, к трону вели широкие ступени, на которых были вырезаны имена просителей, некогда удостоенных аудиенций у командующих Испивающих Души. Адепты и посланцы имперских миров держали здесь речи. Инопланетные пленники и кающиеся еретики стояли на коленях, закованные в цепи и кандалы, до сих пор поблёскивавшие на ступенях. Зал когда-то сиял золотом и пурпуром, но теперь повсюду царил серо-чёрная мгла, шары-светильники были темны, а золото потускнело дочерна.

На троне восседал призрак. Он всё ещё был облачён в покрытую роскошной королевской мантией броню Астартес, на которой виднелись барельефы батальных сцен. Один из наплечников был украшен золотой чашей, рубины на её ободке напоминали мигающие во тьме глаза. Лицо представляло собой затянутый узел из шрамов и мышц, челюсть и лоб были перекошены, две светящиеся точки заменяли глаза.

— Кто требует аудиенции? — взвыл призрак, сжав перчатками подлокотники трона. Сквозь

полупрозрачную броню виднелись костяные пальцы.

— Дениятос из Испивающих Души, — ответил космодесантник. — Аспирант реклюзиама.

— Что, жалкое дитя? Что, безвольная шавка? Что, мерзкий паразит? Ты осмелился явиться в этот зал, ты, меньше чем ничто, просто трясущийся щенок.

— Ты — командующий Макеллис, — ответил Дениятос, — и ты умер на этом корабле.

— Что ты знаешь обо мне? — Макеллис поднялся, с призрачной брони полетела шелуха. Сквозь прорехи в нагруднике просвечивали рёбра. Одна из глазниц проступала сквозь плоть, глазное яблоко злобно мерцало.

— Ты обещал избавить Чехинские звёзды от орков, — сказал Дениятос. — Но ты так и не добрался до них. Поэтому зеленокожие всё ещё там.

Силуэт Макеллиса превратился в серебристую массу, которая, приняв неясные очертания крылатого, пылающего гневом облака, с рёвом пронеслась по тронному залу.

— Да как ты смеешь! — взвыл призрак.

Дениятос пригнулся, сохраняя равновесие под напором обрушившегося ледяного ветра. Осколки льда посекали его. Клинки, сотканые из серебристого света, пролетели мимо, и космодесантник разглядел собравшихся на галереях и у пиршественных столов призраков Испивающих Души. Словно присяжные заседатели привидения наблюдали за тем, как Дениятос пытается устоять на ногах.

Фигура Макеллиса сформировалась перед воином. Дрожавший от ярости силуэт превосходил Дениятоса ростом в три раза. Макеллис вытащил меч и приставил призрачное лезвие к глотке космодесантника.

— Я пришёл сюда, чтобы понять, — произнёс Дениятос. Голос его не дрожал, поскольку он часто проделывал этот путь внутри своего разума. Каждый раз он представлял что-то новое, что поджидало его. Каждый раз он знал, что делать. Как и в любой битве, вероятности и результаты сцеплялись друг с другом. — Ибо душа ордена находится здесь. Вы разделяли наши сильные стороны при жизни. Но эти сильные стороны мною хорошо поняты. Я пришёл, чтобы понять наши слабости.

Собравшиеся призраки злобно завывали. Губы растянулись, обнажив острые клыки и трепещущие языки, признаки гнева, исказившего духов после смерти. Они повытаскивали оружие и стали выкрикивать угрозы и оскорбления. Некоторые перелетели на ступени трона и подбирались к Дениятосу, словно прикидывая, стоит ли прикончить нежеланного гостя, или нет.

— И что же, — спросил Макеллис, — делает нас слабыми?

Дениятос оглядел собравшихся вокруг привидений.

— Ты, — произнёс воин, указав на призрака с прыжковым ранцем и знаками принадлежности к штурмовому отделению. — Ты — капитан штурмовиков Хест. Ты обещал обезглавить тысячу еретиков в качестве отпущения за потери ордена на Магнакаруме. На твоём счету было восемьсот девять, когда ты погиб на этом корабле. — Дениятос обратился к следующему, ржавый оттенок покрывал его броню технодесантника. — А ты — магистр кузницы Арунден. Ты пытался общаться с машинным духом «Сияющей смерти», чтобы приручить его и поставить на службу Императору. Но ты погиб, так и не преуспев, и корабль сгинул вместе с тобой. Вы спрашиваете, что же делает вас слабыми. Та же вещь, что делает слабым меня и любого Испивающего Души, любого Астартеc! Это — страх!

Грохот, прокатившийся после этих слов, был сильнее удара любого грома. Дениятоса сбilo с ног, призрачные руки подхватили его и прижали к стене. Штурмовой капитан Хест грозно навис над бурлящей мешаниной серебристых силуэтов, цепной клинок полетел по дуге вниз. Меч рассек Дениятоса, и тот почувствовал жуткий холод, хлынувший в открывшуюся в душе война рану, ощущения были такие, словно оба его сердца схватили и погрузили в ледяную кашу. Силовой кулак Макеллиса впечатался в грудь космодесантника. Сила, способная добросить его до далёкого потолка, подняла Дениятоса над землёй. Мир на секунду погас вокруг него, казалось, что он падает в океан чёрного льда, в котором он останется навеки заточённым вместе с остальными призраками.

Приземление пробудило его. Дениятос лежал на расколовшемся от удара мраморном подножии трона. С трудом космодесантник смог приподняться на руке и посмотреть на приближавшегося Макеллиса.

— Нам не ведом страх! — Вой Макеллиса перекрыл бушевавший вокруг грохот. — Таков декрет самого Императора!

— Речь не о страхе смертных, — выдохнул Дениятос. — Не о страхе людей. Наш страх лежит далеко за границами понимания обычных людей.

Арунден, поднимавшийся по ступеням следом за Макеллисом, клацнул клешнёй серворуки. Хест тоже был с ними, как и прочие — аптекарий с наполовину взорванной головой, пустая глазница обугленного черепа рассматривала Дениятоса. Библиарий, чей психический капюшон горел серебристым огнём, словно в последние секунды жизни силы, наполнявшие разум война, переполнили и сожгли его. Дюжины боевых братьев, тела которых демонстрировали раны, полученные их душами при смерти.

— Это страх погибнуть, не исполнив долг! — взревел Дениятос, рывком поднимаясь на ноги. — Ибо Испивающий Души взваливает вызовы Галактики себе на плечи, и пока такие вызовы есть, он не может позволить себе отдых. Наш вызов — бесконечная битва, мы умираем, а сражения, которые надо выиграть — остаются. Вот страх, который мы чувствуем. Ужас, заставляющий нас двигаться дальше. Ужас смерти, ибо все мы умираем, не исполнив долг!

Макеллис и окружавшие его Астартес замедлились. Походка призрака стала напоминать замедленную съёмку, а силовой кулак качался мерно, словно соборный колокол.

— Вам известен этот страх, — продолжил Дениятос. — Ибо вы умерли и познали его. Это не похоже на мелкий трепет человека. Этот ужас делает нас сильными, потому что мы сражаемся, чтобы отринуть его, но он же делает нас слабыми, поскольку все мы жалки в смерти, когда страх невыполненного долга добирается до нас. За этим пониманием я пришёл. Именно это вы мне и доказали.

Макеллис стал прозрачным. От тронного зала исходила угроза большая, чем от населявших корабль призраков, стены и сводчатый потолок угрожающе нависли. Астартес слились в единую массу, их злобные выкрики звучали далеко, словно буря, бушующая на другом конце корабля.

Дениятос выпрямился. Призраков больше не было.

Они вернулись в могилы «Сияющей смерти», чтобы перепроживать ужас, одолевший их, когда войны перешагнули грань смерти.

— Каждый аспирант, — сказал реклюзиарх Горозий, — должен пройти испытание на «Сияющей смерти». Так было заведено с момента возвращения корабля, когда капелланы рискнули подняться на его борт и познать саму душу ордена.

В часовне Дорна было всего два космодесантника. На всём флоте Испивающих Души не было более сокровенного места, часовня была построена в самом сердце флагамена ордена — «Славы». На колоннах были вырезаны имена павших за прошедшие столетия Испивающих Души, а на запрестольном образе был запечатлён примарх ордена, Рогал Дорн, спасший израненного Императора во время кульминации Ереси Гора. Часто здесь бывалолюдно и шумно во время проведения кровавых ритуалов ордена, но сегодня это было тихое и медитативное место.

****У меня кровь стынет в жилах, при подобных упоминаниях имени примарха в таком контексте. Они высмеивают нас!***

Горозий стоял перед кафедрой, с которой читал лекции послушникам, чьи кельи были расположены неподалёку. Он был облачён в типичную для капелланов Астартес иссиня-чёрную броню, цвета ордена украшали только один наплечник. На нём не было череполикой маски, также являвшейся атрибутом его службы, но факт того, что Дениятос общался с реклюзиархом лицом к лицу, говорил сам за себя. Кожа Горозия была цвета жжёного дерева, глаза маленькие и тёмные, а челюсть широкой и волевой. На одной стороне лба была установлена металлическая пластина, где были перечислены все сражения, в которых участвовал реклюзиарх. Вскоре там закончится место.

— Не все сумели пройти испытание, — продолжил Горозий. — Некоторые даже не вернулись. Такова цена просвещения. Ты смог вернуться. И вернулся, не провалив испытание. Так что реклюзиарх приветствует нового студента, соискатель Дениятос.

Дениятос закрыл глаза и выдохнул.

— Я давно ждал этого момента, — ответил космодесантник. — Именно на Терре я осознал, каким путём мне следует идти. Путём капеллана.

— Ты будешь снят с должности капитана, — сказал Горозий. — Ты должен отстраниться от боевых братьев. Начиная с этого момента, твой ранг будет зависеть лишь от служения в качестве капеллана. Ученичество должно поглотить тебя так же полно, как и битвы.

— Я понимаю, — кивнул Дениятос. — Воля самого Императора вплетена в нелёгкие судьбы всех нас, и именно Его воля привела меня сюда. Я должен быть обособлен, чтобы принять этот жребий.

Горозий положил руку на наплечник Дениятоса.

— Добро пожаловать, брат, — произнёс реклюзиарх, его лицо немного смягчилось, если такое вообще было возможно. — Я чувствую, что выпавшее тебе на борту «Смерти» испытание было суровым, как и любое другое, и всё же ты преуспел.

— Благодарю, реклюзиарх.

— Твоё служение начинается прямо сейчас. Прежде чем взять крозиус и вернуться на поле боя, ты должен долго учиться и медитировать с мыслями о душе ордена. Какую форму примут твои обряды, соискатель Дениятос?

Дениятос взглянул на реклюзиарха. Где-то в глубине глаз собеседника жило понимание такого уровня, которым так жаждал обладать Дениятос. Более всего на свете он желал понять. В какой-то момент битвы за дворец Экклезиархии он осознал, что нести смерть и разрушение врагам Императора — лишь

половина долга. Он должен был обрести и понимание. Он должен был сражаться на духовном уровне так же хорошо, как и на физическом.

— Я буду писать, — ответил Дениятос.

— Писать? — переспросил Горозий.

— У меня... у меня много мыслей, — пояснил Дениятос. — И они складываются в некую схему в моём разуме. Но я желаю выстроить их и придать форму, которую смогли бы понять братья. Я должен записать их, после чего создать из этих текстов средство, которым можно будет вдохновлять и просвещать братьев.

— Похвальная цель, — произнёс реклюзиарх. — Но трудновыполнимая. Многие соискатели пытались переложить дух Испивающих Души на пергамент и терпели неудачу. Изыскания тех из них, кто подобрался к цели ближе остальных, должны быть тщательно изучены тобой. Тебе стоит прочесть «Кольца...

— «Кольца злобного разума»? — закончил за него Дениятос. — Я читал их. Мои комментарии находятся на полках архива ордена. «Тринадцатая сфера». «Духовные комментарии после кампании на Магнакаруме». Я читал всё это и многое другое тоже. В этих произведениях в основном освещены вопросы образа действий Астартес и философии войны. Но я готов внести свой собственный вклад, реклюзиарх. Придание телу ордена понимания будет той задачей, выполнив которую, я посчитаю себя достойным вступления в ряды капелланов.

— Ты нескоро станешь капелланом, соискатель Дениятос.

— Я понимаю, реклюзиарх, и рад этому. Мне нужно многое написать.

Горозий отступил на шаг и осмотрел Дениятоса. По меркам Астартес тот был ветераном, но в качестве капеллана Дениятос вновь был новичком, познающим азы ремесла.

— Если такова твоя судьба, — высказался Горозий наконец, — значит, ты должен пройти этот путь, чтобы обрести её. Воля соискателя принадлежит ему самому, в отличие от Астартес.

— Благодарю, реклюзиарх, — ответил Дениятос, салютуя. — Я клянусь перед тобой в том, что пройду этот путь до конца.

— Я слышал твою клятву и принимаю её, — ответил Горозий. Этот ритуал считался среди Испивающих Души обязательным. Никакого наказания не было предусмотрено за нарушение клятвы, ибо в истории ордена не было сведений о таких нарушениях.

Дениятос вновь оказался в келье послушника. Каменный пол для сна, образ Рогала Дорна на стене, стойка под снаряжение и сундук для свитков и книг. Вот и вся обстановка.

Дениятос без брони сидел на полу перед разложенными листами пергамента. На коже виднелись мертвенно-бледные отметины и ушибы, полученные им на «Сияющей смерти». Заживали они медленно, словно раны нанесённые мертвецами не желали сдаваться перед напором сил жизни.

Дениятос обмакнул перо в чернильницу и положил перед собой первый лист пергамента.

«Военный катехизис», — вывел он.

Как можем мы познать качества людей, из которых были созданы?

Рассматривая, брат мой, величайших из них.

Воин Фиделион был величайшим из всех, кто когда-либо брал в руки лазган. Он сражался у врат самой Терры и, невзирая на бушевавшую вокруг смерть, ни разу не проявил слабость и не дрогнул. Люди, являвшиеся свидетелями его деяний, удивлялись тому, что один единственный человек является вместилищем такой доблести и отваги.

Рассмотрим Фиделиона и то, что выделяло его из рядов товарищей. Он понимал страх, но никогда не поддавался ему, вместо этого Фиделион принимал страх и отбрасывал, как недостойное чувство. Он всегда помнил, что бегство — гораздо более верный путь к смерти, чем сражение с врагом лицом к лицу. Встречая свирепых и чудовищных противников, он сражался с ними не из ужаса перед смертью, но через некоторую отрешённость, позволявшую рассматривать врагов как задачи, которые необходимо решить. Прочие люди смотрели на него с благоговением, потому как им он казался кем-то большим, чем обычный человек. Фиделион был для них таким же чужаком, как и враги, с которыми приходилось сражаться.

Теперь сопоставим Фиделиона с Астартес.

Какими качествами обладает Фиделион из тех, что недоступны Астартес? Астартес не ведает страха. Он не сомневается в победе. Даже будучи окружённым со всех сторон бесчисленными противниками, он не видит поражения, но лишь задание, которое необходимо выполнить, долг, который должен быть исполнен даже на пороге смерти. Кем был бы Фиделион среди Астартес?

И вот мы приходим к ответу. Как можем мы понять природу человека? Ответ, брат мой, в том, что даже величайший человек сопоставим лишь с самым слабым из Астартес, с едва начавшим свой путь послушником, в лучшем случае.

Более вероятно то, что даже возжелай он, то ни один орден не пустил бы его в свой монастырь.

Лучшие представители человечества — всего лишь дети, подходящие для превращения в Астартес.

Вывод первого урока напрашивается из этого заключения. Астартес должен быть обособлен от человеческой расы. Он — не человек. Он — нечто большее.

Таким образом, мы начинаем видеть истинную природу служения Испивающего Души своему Империи.

***Из «Военного катехизиса», стр. 3**

Часть 4 — 344.M36

По небесам Хаала полз тёмный рассвет, радиоактивный шар солнца выкатился из-за высокого горизонта. Восход шёл в обратном направлении, поскольку искажённый характер солнца приводил к тому, что звезда отбирала излучаемый своим близнецом свет, и поэтому рассвет сопровождался сверхъестественной тьмой. Плотные слои атмосферы искажали горизонт так сильно, что его края задирались кверху, придавая вид чаши, и со стороны казалось, что всё на проклятой планете

существовало на дне гигантского кратера.

Тьма струилась по лесу странных мясистых деревьев, увенчанных вместо листвы мозговой массой, она струилась над реками жирного ила и губчатой кровоточившей землёй. Повсюду кишела жизнь, миллиарды мельтешивших насекомых рождались и умирали, проживая свои жизненные циклы за пару минут. Из свешивавшихся с деревьев коконов выпадали более крупные хищники, с ошеломительной скоростью превращавшиеся в саблезубых ящеров, их существование длилось всего пару часов, по истечении которых ускоренные жизненные темпы планеты убивали тварей, отправляя туши гнить в раскинувшуюся повсеместно мантию разложения. Немногие создания могли долго выживать под бликами чёрного солнца, поэтому жизнь на планете созревала, старилась и заканчивалась до того, как радиация могла сгубить её.

Тут и там валялись расщепленные деревья, вокруг них виднелись вонючие лужи мозгового вещества из крон. Следы, каждый размером с кратер метеора, отмечали просеку, проделанную неведомой разрушительной силой. Казалось невозможным, что нечто столь большое могло эволюционировать на Хаале, но жизнь — хитра и неумолима. Она всегда найдёт себе путь.

Первый «Громовой ястреб» опустился неподалёку от россыпи зданий, отвоевавших себе кусочек земли у леса. Несколько простеньких куполов и каменных строений примостились на опушке леса из плоти. Нижние участки стен были проломлены корнями, но купола продолжали стоять.

Они были сделаны из необожжённого кирпича и опирались на столбы, вытесанные из деревьев мозгового леса, явно в подражание великим соборам Империиума.

Горстка домов меньших размеров располагалась неподалёку, и лес почти поглотил её. Место выглядело давно заброшенным.

Кормовая аппарель «Громового ястреба» откинулась, и наружу выпрыгнул капеллан Дениятос. Он глянул на чёрное солнце и ползшее через лес по направлению к заброшенному посёлку пятно тьмы.

Следом высадились штурмовики отделения Йелта с прыжковыми ранцами за спинами и цепными клинками в руках. Боевые братья были молоды и нетерпеливы, большинство лишь недавно покинули ряды послушников. Сам Йелт был ветераном, приставленным к молодняку из штурмового отряда, хотя должен был бы влиться в составлявшие основу ордена тактические подразделения. Одно из таких тактических отделений — отряд Эристро, покинул штурмовой транспорт следом за воинами Йелта. Последними из самолёта вышли сервы ордена, нагруженные оборудованием и припасами. Среди них мелькали послушники, готовые внести в архивы ордена деяния старших братьев.

Капеллан Дениятос был вооружен крозиусом арканумом — силовой булавой, служившей также символом его полномочий. Дополняли образ череполикая лицевая пластина и чёрная броня, инкрустированная фрагментами костей, которые на наплечниках и нагруднике складывались в мозаичные батальные сцены между скелетами. На ранце был установлен пурпурный стяг Испивающих Души, на знамени был изображён символ ордена — чаша, удерживаемая рукой скелета и переполненная черепами.

Сражайся хладнокровно, гласил лозунг под чашей. Сражайся быстро.

Дениятос возглавил поход в сторону поселения, взвод Йелта держался рядом с ним, стволы болтеров отделения Эристро искали цели среди деревьев. Учитывая скудость имевшейся у ордена информации о Хаале, опасность следовало ожидать абсолютно с любого направления.

Дениятос плечом распахнул бронзовые двери самого большого купольного здания, эти врата были единственным металлическим изделием во всём поселении. Взорам их открылась маленькая церковь с расставленными для скромной паствы несколькими скамьями. На стенах были развешаны разные предметы, оставленные в качестве жертвоприношений — копья, кости зверей, шкуры, щиты, связки засушенных человеческих голов.

Икона в дальнем конце церкви была вырезана из зелёного с прожилками камня. Раскрашена она была неумелым художником, поэтому кожа у скульптуры Императора была бела, как мел, глаза красные, а на броне были неаккуратные мазки охряного и голубого цветов. Сотни кремниевых наконечников были сложены у Его ног.

Скульптура Императора не была единственной в композиции. Вторым был трёхголовый змей. Он был вырезан из обвитого вокруг Императора куска дерева, и инкрустирован тысячами осколков ракушек, призванных передать эффект переливающейся чешуи. Клыки были цвета слоновой кости, а глазами служили необработанные синие камни.

Клыки одной из голов были погружены в шею каменного изваяния Императора, брызги ярко-красной краски символизировали вытекавшую святую кровь.

Дениятос несколько мгновений рассматривал икону.

— Асцениан был здесь, — заключил он.

Сержант Йелт вошёл в помещение следом за Дениятосом и крался между скамей. Несколько трухлявых свитков и рукописей, выполненных на коре, рассыпалось под его ногами. Штурмовой отряд следовал за сержантом.

— Не трогайте ничего, братья, — предупредил Йелт. Он повернулся к капеллану. — Он ушёл. Никто не поклонялся здесь уже долгое время.

— Отнюдь, — отозвался Дениятос. Капеллан поднял с подножия скульптуры труп животного. Это был один из ящероподобных хищников, глотка и брюхо были вскрыты. Кишки были перевязаны и законсервированы, что уберегло их от свойственного Хаалу ускоренного темпа разложения. Труп был свежим — подношение, оставленное несколько часов назад. — Он был здесь. И он всё ещё жив.

Эра Отступничества не закончилась.

Некоторые говорили, что Великий крестовый поход, во время которого Император покорил Галактику во имя объединения людей в Империум, тоже так и не закончился и что Гвардия и Флот ведут эту битву по сей день. Другие утверждали, что Ересь Гора длится до сих пор, ибо каждый поворот оружия против своего союзника — эхо того великого предательства. Если речь заходила об Отступничестве, то нужды в подобных абстракциях не было. Правление Вандира посеяло столько хаоса, что простой факт его смерти не мог остановить губительные процессы.

Целые области Империума были отрезаны или оставались без присутствия имперской администрации. Восстание некоторых проявилось в том, что оставшись без помощи или контакта с Империумом, они создали собственные правительства и церкви. Некоторые пали жертвами оппортунистических чужаков. Но хуже всего пришлось тем, что попали в лапы людям подобным Кройвасу Асцениану.

Как только Экклезиархия вырвалась из-под пяты Вандира, тысячи имперских миссионеров устремились

к святым мирам Империи, чтобы вернуть силу веры тем, в чьих сердцах она пошатнулась. Многих из их числа ожидал мрачный конец — со времён Великого крестового похода сотни и тысячи миссионеров сгинули в котлах туземцев, были обезглавлены местными языческими жрецами, погибли при прочих неприятных обстоятельствах, нередко сопровождающих любое космическое путешествие. Но наибольшая угроза гнездилась в них самих. В смутные времена Имперского кредо, стяг с орлом и розарий иногда оказывались в руках тех, кто не был должным образом испытан на предмет чистоты веры. Некоторые из них были шарлатанами, которые просто хотели получить пропуск на корабль и обмануть по мелочам доверчивых пилигримов. Но некоторые использовали эти возможности для свершения гораздо худших злодеяний.

Кройвас Асцениан путешествовал с паломниками вдоль восточного края галактики, где тускнел свет самого Астрономикона, и даже по меркам Отступничества было слишком мало приглядывавших за бесчисленными мирами имперских служащих. Нагруженный дарами пилигримов, которые были слишком бедны, чтобы что-то дарить, он высадился на лесистом мирке. На этой захудалой планете несколько королевств людей, деградировавших до состояния средневековья, вели междоусобные войны, отсиживаясь в лепившихся к подножиям громадных суровых пиков деревянных крепостях. Он провозгласил себя пророком и пообещал вывести население к свету.

Совершенно случайно четыре года спустя мир навестил корабль чартерного торговца. Коммерсанты обнаружили членов одной из королевских династий, томившихся в заключении внутри своего дворца, освежёванных и подключённых к некоей древней машине, которая случайным образом стимулировала нервную систему своих жертв, в результате чего последние находились в непрекращающемся танце боли. Население их города-государства было присоединено к этой же машине, разумы людей были полностью вычищены, и несчастные могли лишь выполнять бессистемные указы, которые древний механизм угадывал в мучениях короля и его окружения. Это был эксперимент, цели которого лежали в понимании власти, но рассмотрение шло через чудовищную призму насилия. Учёный, ответственный за это деяние, мучил и убивал невинных людей целой планеты лишь для того, чтобы увидеть, что в итоге получится.

Охота на Кройваса Асцениана началась.

К тому времени, как удалось отследить путь Асцениана до Хаала, стало очевидно, что эксперименты его становятся всё более и более опасными. Население целого города пришло в тёмную долину, дабы услышать слова пророка Асцениана, после чего их разумы были вырваны и помещены в черепа полудюжины специально отобранных детей-псайкеров. Получившиеся существа стали психическими кошмарами — их разрушительные силы многократно возросли и высвобождались случайным образом под воздействием тысяч вскипевших разумов, конфликтовавших между собой в голове каждой твари. На другой планете двадцать тысяч душ были сотканы в одно живое существо в попытке создать из них единую форму жизни — плод неудачного эксперимента уже разлагался в яме в тот момент, когда на орбиту вышел крейсер Арбитрес.

И вот так Асцениан прыгал от планеты к планете, опережая немногочисленные мобильные имперские силы, отправленные на его поимку. Его передвижения, как и мотивы, носили хаотичный порядок, единственное, что укладывалось в некую схему — постоянно растущее количество отнятых и искалеченных жизней. Он стал более чем еретиком. Он стал моральной угрозой, способной испортить других одним своим присутствием. Он был наихудшим представителем человечества. И куда бы ни приходил этот блестящий шарлатан, этот харизматичный сумасшедший, он каждый раз убеждал людей, что пришёл их спасти.

Потом сотни астропатов прочли имперское таро, все они связались с отчаявшимися губернаторами субсектора, чьи планеты пострадали от рук Асцениана. Послание было расшифровано всеми одинаково. Место на краю Галактики, о котором никто даже не слышал — Хаал, отсталый мир, нанесённый только на самые древние звёздные карты.

****На более чем точных картах, принадлежащих моему ордену, нет ни единого упоминания об этом мире.***

Послание достигло Испивающих Души. Они обладали одним из самых скоростных флотов в сегментуме. Космодесантники ордена могли добраться до Хаала прежде, чем миссионер разделается с планетой. Испивающим Души была предложена честь забрать голову Кройваса Асцениана в качестве трофея.

— Эристо! Пробежитесь вдоль опушки и обойдите эту тварь с фланга! Йелт, остаётесь со мной! Здесь мы сразимся с врагом, братья. Щит Императора оградит ваши сердца!

Стоявший на краю покинутой деревни Дениятос отдал приказания, как только первое из гигантских чудищ спустилось по склону, прокладывая себе просеку сквозь деревья в долине. Тварь была просто необъятной. Испивающие Души слышали гулкую поступь существа, даже находясь внутри церкви поселения. Подавляющее большинство обычных солдат обратились бы в бегство, но Дениятос, как и Фиделион, как и любой Астартес, понимал, что бегство — наиболее опасный путь. Он встретится с чудовищем здесь. Сама судьба поставила его на пути монстра, и он не отринет этот жребий.

Первой показавшейся частью чудища были бивни — гигантские торчавшие перед челюстью плоские лопаты, квадратные и литые, словно войсковой бункер. Над челюстью, занимая оставшуюся часть головы, колосился целый лес выплёвывавших зеленоватый ихор мясистых трубок, высотой с космодесантника. Плечи твари были ещё больше и доставали до верхушек высочайших деревьев, валившихся от ударов под лапы, каждая из которых была размером с танк. Дениятос прикинул, что монстр был метров девяносто в длину и, примерно, пятьдесят в ширину в плечах, шкура была покрыта чешуёй и лохматой шерстью вперемешку. Лап было шесть, хвост, почти такой же длинный, как и тело, был увенчан набалдашником с шипастыми наростами, который сносил случайно уцелевшие после прохода монстра деревья.

Существо распахнуло пасть, явив взорам усеянный клыками тоннель глотки, содрогавшийся от неистового рёва. Глаза, спрятавшиеся среди споровых трубок, сфокусировались на собиравшихся перед монстром Астартес в пурпурных доспехах.

Раны на боках зверя сочились пурпурной кровью. Его пригнали сюда. Это был не просто хищник Хаала. Это было оружие для убийства непрошенных гостей.

Дениятос мысленно разобрал движения противника. С точки зрения обычной статистики и теории вероятности тот легко мог расправиться с Испивающими Души. Даже объединённых сил Дениятоса и отряда Йелта не хватило бы для сокрушительного удара. Цепных клинков всего их ордена не хватило бы для того чтобы пробить его шкуру и добраться до уязвимого места прежде, чем монстр перебил бы их всех.

Только они не были обычными солдатами, которых двигают по карте и скармливают монстру. Они были Астартес. Неудача никогда не рассматривалась в качестве варианта. Где-то среди урагана мышц и бивней таился ключ к победе.

— *Приказы, капеллан?* — спросил по воксу Йелт.

— Удерживать позицию, — ответил Дениятос. Он едва слышал собственный голос за оглушительной поступью чудища. Здание на окраине исчезло под лапой зверя. Тварь помотала головой из стороны в сторону, снеся бивнями дюжину мозговых деревьев, оставшиеся после них пни начали кровоточить.

— Это чудище — неискушённый враг, — воксировал Дениятос отделению Йелта. — Слабость его кроется в зверином мозге. Смотрите, как низко он держит голову, готов крушить, не обращая внимания ни на что вокруг. Может ли столь глупый противник утратить нас? О каком поражении может идти речь, если враг не ведает, во имя чего сражается?

Монстр взревел так, что содрогнулась земля. Кусок крыши храма обвалился вовнутрь. Дениятос, замахнувшись крозиусом, сделал полшага назад и присел, упёршись в землю.

— Сюда! — рявкнул Дениятос. — Сюда, еретическое отродье! Иди, попробуй человеченки, приправленной волей Астартес! Лучшее блюдо для последней трапезы!

Монстр пригнул голову и сгорбил плечи, в результате чего бивни оказались буквально в сантиметрах над землёй. И вот он ринулся вперёд, задние ноги несли его подобно локомотиву, под чудовищными лапами трескалась сама земля.

— Взлетайте, братья! — крикнул Дениятос. Завывания чудища почти поглотили рёв прыжковых ранцев отделения Йелта.

Костяное лезвие бивня метнулось в его сторону. Дениятос пригнулся и взмахнул крозиусом, вложив в удар всю доступную Астартес силу.

Крозиус был окружён энергетическим полем, оно мигнуло сине-белым сиянием за секунду до столкновения. Бивень хорошо вспарывал рыхлую почву Хаала и разносил местные деревья, но до этого момента он не сталкивался ни с рукой Астартес, ни с символом власти капеллана.

Кость раскололась. Во все стороны полетели осколки. Бивень расщеплялся, обтекая Дениятоса с двух сторон, крозиус, дымясь, резал его размытой дугой. Громадная голова зверя уткнулась в землю, пенёк бивня вспахал почву под Дениятосом.

Отделение Йелта взмыло над капелланом, реактивные струи ранцев отправили к земле волну раскалённого воздуха. Космодесантники приземлились среди споровых трубок, усеивавших голову и плечи зверя. Они резали и кромсали противника цепными клинками, густая пурпурная кровь лилась сгустками с кулак величиной. Монстр вырвал голову из земли и помотал ей из стороны в сторону, сбросив двоих Астартес. Зверюга подняла морду и защёлкала челюстями, видимо, приняв Астартес за насекомых, которых можно просто прихлопнуть. Космодесантники схватились за споровые трубки, чтобы чудище не смогло их скинуть.

— Мы загнали его! — крикнул Дениятос по воксу. Глотка монстра разверзлась перед ним, внутри вибрировали тысячи зубов. В зёве зверюги капеллан разглядел скрежещущие пластины, способные растерзать даже силовую броню Астартес. — Огонь!

Отряд Эристро через лес обошёл монстра с фланга. Болтеры укрывшихся среди деревьев космодесантников сделали несколько залпов, изрешетив чешуйчатую броню передней лапы. Во все стороны полетели куски чешуи, обнажившиеся мышцы превратились в мягкое месиво. Хлынула кровь. Колено подломилось, чудище замычало от боли. Оно вновь встряхнулось, и ещё один Астартес улетел

прочь, не удержавшись в гриве из споровых трубок.

Брат Гарвос прицелился в монстра из ракетницы, приписанной к отделению Эрित्रо. Испивающие Души не славились применением тяжёлого вооружения, они больше специализировались на ближнем бое и абордажных операциях. Немногие имевшиеся в распоряжении ордена тяжёлые орудия почитались братьями, ствол пусковой установки Гарвоса был исписан молитвами о точности и надёжности. Зелёное перекрестие прицельной системы ракетницы зафиксировалось на кровавом месиве истерзанной болтерным огнём ноги.

Гарвос выстрелил, и ракета устремила к коленке чудовища. Пройдя сквозь разорванные мышцы, боеголовка детонировала внутри ноги, начисто оторвав её нижнюю часть. Монстр взвыл и начал заваливаться на бок. Он падал медленно, словно опрокидывающийся корабль. Астартес, цеплявшиеся к тому, что теперь стало нижней частью головы, успели спрыгнуть прежде, чем левиафан упал на землю.

Дениятос взобрался на челюсть и присоединился к отряду Йелта, прокладывая себе путь сквозь череп монстра. Споровые трубки были срезаны, а Йелт колошматил по черепу, отрывая и выкидывая куски. Прежде чем соскочить с монстра, Астартес швырнули в окровавленную дыру фраг-гранаты. Взрыв уничтожил половину мозга и покрыл окружающие деревья липкой пурпурной слизью.

На шкуре тела были видны небольшие круглые ожоги. Их сделали намеренно, пользуясь орудиями с длинными ручками, именно так зверя пригнали к позиции Испивающих Души.

Дениятос переключил вокс на командную частоту.

— Говорит Дениятос, — произнёс он. — Противник близко. Он выслал против нас своих холуев. Здесь мы и заставим его принять бой.

Пару минут спустя небо расчертили инверсионные следы снижавшихся «Громовых ястребов», вылетевших с подкреплением с борта ударного крейсера «Вечная справедливость». Навязать Асцениану бой не удавалось никому из числа отправленных по его душу имперских сил. Теперь Испивающие Души покажут, как это надо делать.

Реклюзиарх Горозий осматривал лежавшую перед ним землю. Где-то в чаще леса, среди торчавших тут и там между деревьями кусков пурпурно-чёрной породы и несущих яд рек прятался Кройвас Асцениан. Вряд ли еретик сумел перебраться через остроконечные пики гор, обрамлявших недалёкий горизонт, вершины почти сходились над головами, слово были украшением на ободке котла. Сенсоры «Вечной справедливости» были направлены на лысые склоны гор, и любая попытка провести по ним армию не прошла бы незамеченной для Испивающих Души. Нет, Асцениан был там, среди мозговых деревьев и зарослей искалеченных кустарников, прятался в окружении хищников Хаала и людей, которым не посчастливилось оказаться на этой планете.

Была ночь, на Хаале об этом свидетельствовало ослепительно белое небо, края мозговых деревьев были очерчены чёрными линиями, а горы были тёмными, как на негативе пикт-снимка.

Горозий отправился на войну в иссиня-чёрной терминаторской броне, к талии и нагрудной пластине которой было приковано с десятков книг. У Горозия имелась молитва на любой случай. Он ценил их не за религиозность, хотя Испивающие Души были духовным орденом, они не имели ничего общего с Имперским кредо — верой, призывавшей обычных людей вести благочестивую жизнь. Но он ценил понимание, которое они могли дать в любой ситуации, взгляд на тактическую головоломку глазами

имперского фанатика, ослеплённого верой и несущегося навстречу смерти.

Горозий открыл один из молитвенников. Лежавший на ладони перчатки силовой брони томик выглядел совсем крошечным. Он полистал страницы с золочёными краями и нашёл молитву к Императору, как к Немилосердному Надсмотрщику.

«Востребуй от меня, молитву возносящего, труда, который положит конец моим дням. Избавь меня от милости видеть мою работу невыполненной, ибо не познаю я отдыха, ведая, что не сделан мой труд, но упокоюсь я в смерти, зная, что долг мой исполнен. Ниспошли мне великую боль, познав которую я направлю стоящих предо мной. Ниспошли мне великое страдание, Император Немилосердный, кнутом и дубиной! Освободи меня от оков семейной жизни и дружбы! Отсеки всё ненужное от меня, чтобы оставшееся могло служить лишь труду Твоему!»

Горозий закрыл книгу. Обычный солдат, имперский гвардеец, следуя этой молитве, отправился бы на прочёсывание котла в составе поисковых цепей из таких же солдат, как и он сам. Гибель людей в одних местах означала бы, что там есть враг. Выживание в других свидетельствовало бы о том, что врага там нет. И довольно быстро, растратив множество жизней, можно было бы определить местоположение Кройваса Асцениана.

Испивающие Души будут придерживаться схожего плана, но только не базирующегося на никчёмности бытия отдельного солдата. Космодесантники были слишком ценны, чтобы расходовать их подобным образом. Они поделят весь район на сектора, и в каждый будет отправлен на разведку отряд Астартес. Отряд, установивший контакт с противником, вызовет подкрепление из соседних секторов, таким образом, силы Испивающих Души сосредоточатся только в районах местонахождения врага. В результате проведённой локализации противника огневой налёт, в форме орбитального удара с борта «Вечной справедливости» или залпов развёрнутой технодесантниками наземной артиллерии, мог быть нанесён достаточно точно и только в тех местах, где это было необходимо. Скоро Асцениан будет мёртв, и лишь немногие, если вообще хоть кто-то, из космодесантников заплатят за это своей жизнью.

Горозий бросил взгляд через плечо на плацдарм Испивающих Души. С борта «Вечной справедливости» прибыло семь «Громовых ястребов», присоединившихся к экспедиционному отряду Дениятоса, из других регионов Хаала подтянулись другие силы Испивающих Души, отозванные с их собственных поисков для проведения общей операции. Весь процесс занял менее двух часов, за которые Асцениан и его сброд вряд ли смогли пройти хотя бы километр по лесу. Астартес действовали со скоростью, недоступной никаким другим имперским подразделениям.

Среди хижин покинутой деревни разместились орудия «Громобой» и мортиры «Небесный молот», расчёты которых состояли из сервов ордена под командованием технодесантников. Артиллерийские установки были заряжены и откалиброваны, стальные шипы лап-стабилизаторов уже вонзились в рыхлую почву планеты. Испивающие Души собирались небольшими отрядами, слушая инструкции офицеров касательно предстоящей секторной атаки и духовно настраиваясь на встречу с врагом. Асцениан был моральной угрозой. Он атакует разумы космодесантников так же, как его прихвостни атакуют их тела. Еретик не преуспеет в этом, конечно же, но ещё ни один Астартес не потерпел неудачу из-за того, что был слишком готов.

Атака должна была начаться менее чем через полчаса. Тактические отделения будут высажены с «Громовых ястребов». Штурмовые отряды смогут продвигаться сами при поддержке «Лэндспидеров», загрузку которых бомбами как раз заканчивали сервы. Хладнокровно и быстро, как любил говорить

Дениятос — они ударят хладнокровно и быстро.

Капеллан Дениятос приближался к нему. Именно его команда, отделения Йелта и Эристро, обнаружили следы Асцениана и повергли высланное против них чудовище, атака монстра послужила признаком того, что они довольно близко подобралась к самому Асцениану. Дениятос удостоится почестей за свой вклад в уничтожение еретика, когда всё закончится.

— Капеллан, — обратился к Дениятосу Горозий, — что ты скажешь это чужеродной ночи, которая для Асцениана будет последней?

— Хорошая ночь для него, чтобы умереть, как, впрочем, и любая другая, — ответил Дениятос. — Возможно, скоро она перестанет быть тихой.

— Он умер бы много ночей назад, если бы Астартес были отправлены по его следу с самого начала, — ответил Горозий.

— В этом я с вами спорить не стану, реклюзиарх.

Горозий снял с брони другую книгу, эта была прикреплена к одному из серебряных колец, украшавших его нагрудник. На обложке красовался символ Испивающих Души — чаша.

— Хорошо, — сказал реклюзиарх, — что именно ты отыскал Асцениана. Это даёт мне возможность побеседовать с тобой перед битвой на темы, которые меня беспокоят.

— Я слушаю, реклюзиарх, — отозвался Дениятос. Обложка книги была ему так же хорошо знакома, как и любому из Испивающих Души. Это был «Военный катехизис», написанный самим Дениятосом. Копии этой книги, переписанные вручную сервами ордена, составляли часть боевого снаряжения многих боевых братьев, офицеры зачитывали отрывки своим отделениям.

— Я изучил твой труд, — продолжил Горозий, — и довольно глубоко. Я увлечённо следил за твоим написанием «Катехизиса» с самого начала. Никогда прежде я не видел, чтобы дух ордена был освещён так красноречиво. Я чувствую, что сейчас наши братья лучше, чем когда-либо понимают путь войны Испивающего Души.

— Таковую форму приняло моё служение, — ответил Дениятос. — Для меня большая честь получить такой отзыв от реклюзиарха. Однако предполагаю, что тревожит вас не это.

— В самом деле так. Речь идёт о части, капеллан Дениятос, в которой ты рассуждаешь о месте Испивающих Души в Галактике в целом.

— Это была крайне утомительная часть при написании, — ответил Дениятос, — но обойти её стороной было невозможно. Вопросы о роли Испивающих Души в делах человеческой расы столь же важны, как и сам наш путь войны.

— В этом я согласен. Но беспокоит меня то, как представлены остальные граждане Империиума, — пояснил Горозий. — Ты описываешь их как стадо коров.

— Я не стремился кого-либо оскорбить, — ответил Дениятос. — На самом деле, это иллюстрирует важную роль жителей Империиума. Без них сам Империиум бессмыслен. Роль граждан состоит в том, чтобы пастись и перемещаться под руководством лучших из их числа, и тогда их эксплуатация обеспечит существование Империиума. В этом состояла цель сравнения.

— В самом этом подходе немного того, с чем я стал бы спорить, — продолжил Горозий. — Но меня тревожат сделанные тобой исключения. Среди этих исключений нашли себе место Астартес и наиболее величественные представители человечества. Так и должно быть. Но Верховные лорды Терры, формирующие Сенаторум Импералис, наверняка ведь занимают положение выше, чем обычный человек? Между тем ты не помещаешь их в исключения, а отсюда напрашивается вывод, что они такие же коровы, как и все остальные. Кустодии Золотого Трона, правящие от имени самого Императора — они тоже обычное стадо?

Дениятос несколько секунд молчал, за череполиким забралом шёл напряжённый мыслительный процесс.

— Я не рассматривал подобное толкование.

— Это не значит, что так не было тобой задумано, — ответил Горозий. — Иногда наши цели сокрыты даже от нас самих.

— Мне стоит поразмыслить над этим, — произнёс Дениятос. — На самом деле, «Катехизис» не может быть завершён, пока я жив. Это живой документ, как и наш орден.

— Из такого толкования следует ещё больше очевидных выводов, — продолжал Горозий. — Если правители человечества — стадо, а стадом надо управлять, что же можно сказать о тех, кем управляют такие правители? Разве не отвечаем мы на призыв лордов Терры, когда объявляют они крестовый поход или приговаривают к уничтожению врагов человечества? Может, мы и не прислушиваемся к каждому слову Адептус Терра, но разве наши цели не совпадают, в общем, с намерениями правителей Империиума? Но мы не можем быть стадом, потому что являемся Астартес — пастырями человечества.

— Получается парадокс, — подытожил Дениятос. — Печальный вывод из моей работы. Мне нужно написать дополнение, думаю, включить его в том комментарий к «Катехизису».

— Но это не парадокс, — ответил Горозий, — если делать выводы в нужном направлении. А вывод такой — Испивающие Души не должны подчиняться Терре. Они должны быть неподвластны институтам Империиума. И получается, единственный верный путь для Испивающих Души — стать отступниками, если принимать во внимание распределение ролей между Астартес и населением Империиума. Ты же не будешь возражать, что такой путь уничтожает парадокс? А учитывая, сколь многие боевые братья увлеклись «Боевым катехизисом», распространение такого толкования, несомненно, приведёт к реальному расколу между орденом и Империиумом.

— Это сильно меня встревожило, — сказал Дениятос. — И я удалюсь в реклюзииам для пересмотра этих отрывков, как только мы закончим с Асценианом. Что ж, если с этим мы закончили, то я, в свою очередь, хотел бы поделиться тем, что тревожит меня.

— Слушаю, брат-капеллан.

Дениятос окинул взглядом лес, которому было суждено менее чем через час стать полем битвы.

— Сервы ордена проводили разведку в лесу, для обеспечения артиллеристов данными. Они обнаружили специфичный участок, где река раздваивается. Там стоит крепость. Уверен, что именно там засел Асцениан, поскольку в лесу не сыскать лучшего в плане обороны места. — Дениятос указал рукой на едва видимую среди деревьев развилку петлявшей по зарослям реки. — Я предлагаю уделить этому месту особое внимание с самого начала атаки по секторам. Если Асцениан действительно там, то лучше удостовериться в этом как можно раньше, чтобы он не успел подготовиться к отражению нашего

штурма.

Горозий какое-то время обдумывал услышанное.

— Это важная информация, капеллан. Что вы планируете предпринять в отношении сил, которые первыми отправятся к этой позиции?

— Ручаюсь, что их возглавит лучший из нас, — ответил Дениятос. — Честь поимки Асцениана должна принадлежать командующему.

— В таком случае я возглавлю атакующий развилку реки отряд, — провозгласил Горозий. — Если Асцениан и правда окажется там, то моё присутствие гарантирует, что боевые братья не дадут ему ускользнуть.

— Так тому и быть, реклюзиарх, — согласился Дениятос. — Я должен провести молитвы перед боем. Души наши закалятся, и никакие происки еретика не пошатнут нашу преданность.

Дениятос отсалютовал и отправился к позициям Испивающих Души. Горозий повернулся к полю битвы. Речная развилка и правда была превосходной оборонительной позицией, с двух сторон её прикрывала река, а третью легко можно было укрепить, используя мозговые деревья. Горозий взвесил в руке крозиус — древнее оружие, в которое был вставлен осколок меча самого Сигизмунда — командующего Имперских Кулаков, первого Чёрного Храмовника, из личной гвардии которого во времена Третьего основания произошли Испивающие Души. За свою долгую службу булава оборвала жизни множества еретиков. Направляемая руками реклюзиарха Горозия, она заберёт ещё одну.

Река, которую местные туземцы именовали Кровотока, текла от подножия гор через весь лес. У развилки реки действительно располагалось некое строение, очень старое место из камня, который добывали из располагавшихся под сырым лесным суглинком слоя пород. Здесь когда-то было родовое гнездо правителей давно сгинувших поколений, у ныне населявших лес дикарей место пользовалось дурной славой.

Южный рукав Кровотоки уходил под землю, создавая запутанную систему пещер и подземных озёр в слое породы, использованной для строительства крепости. В одном месте на пути потока оказался пласт более мягкого камня, который был смыт течением напрочь, в результате чего образовалась длинная, широкая с высоким сводом пещера, после которой поток убежал в расщелину и продолжал свой путь. Дикари нашли этой пещере применение. Там содержались их монстры.

Зверюги, одна из которых погибла от рук защищавшихся внутри брошенной деревни пришельцев, яростно рычали, реагируя на ревявшие над их головами двигатели. Их не требовалось стегать, чтобы выгнать на солнечный свет, громогласно топая, чудища перешли реку вброд и отправились в сторону древней крепости.

Монстров было сложно контролировать. Обычно, чтобы выгнать из пещеры и направить на врага хотя бы одного из них, требовалось пожертвовать несколькими жизнями. Но разозлённые чудища в помощи не нуждались. Что-то в двигателях самолёта злило их. Машина была похожа на угловатый кирпич, утыканный пушками, размеры позволяли ей нести до двадцати грозных воинов, высадку которых ранее разведчики видели в заброшенном городе. Аппарат завис над увитыми плющом укреплениями, орудия нацелились на обветшалые дозорные вышки и заросший сорняками плац, затем распахнулась задняя аппарель и на стены спрыгнули воины в броне.

Разведчики следили за ними с окрестных деревьев. Это были странные создания даже по меркам туземцев Хаала — лица их были выкрашены в красные и белые цвета, вырванные изо рта зубы были вшиты в ладони и ступни для улучшения сцепления, жили разведчики на деревьях и кормились там же, употребляя в пищу губчатую мозговую материю. Поговаривали, что это делало их безумными. Истинный скаут, вкусив мозговой материи, никогда больше не касался земли. Переговаривались они, подражая чириканью птиц, и тем самым предупреждали пещерных воинов о приближающихся врагах.

Беспокоиться им было не о чем. Через пару минут из зарослей выбежали монстры, чья тяжёлая поступь сотрясала древние камни стен. Воды химической реки вспенились под ногами чудищ.

Один из облачённых в броню воинов, их лидер, вызывающе стоял на стене. Он был огромен, вдвое выше человека, а броня была настолько громоздка, что явно требовала для ношения сверхчеловеческих сил. Вместо лица был череп, в отличие от прочих его броня была чёрной, а не пурпурной, в руках он держал опутанную молниями дубину. Дикари Хаала вряд ли бы смогли поверить в существование подобной твари.

Но они были предупреждены. Отец Асцениан предупредил туземцев о тёмных пришельцах с небес, которые придут, чтобы уничтожить их. Дикари любили отца Асцениана. Они умерли бы за него. Отец пообещал, что такой шанс предоставится.

Бронированные воины сражались. Они были сильны и отважны. Но чудищ было слишком много. Один из монстров рухнул, не дойдя до стен, поверженный магическим оружием пришельцев. Но другой протаранил крепость. Одна стена обвалилась в реку, перегородив течение. Камни придавили лидера. Невероятно, но он скинул с себя кусок стены и вернулся в бой. Казалось, что он бросал чудищу вызов, парируя дубиной удары гигантских бивней. Дикари спрашивали друг друга, как вообще кто-либо мог в одиночку противостоять монстру. Засевшие на ветвях скауты восторженно чирикали.

Чудище поддело клыками лидера и швырнуло его через плечо напрямик в реку. Монстр повернулся, продемонстрировав дикарям изувеченную могучим пришельцем морду. Но вот в драку вмешался ещё один левиафан, буквально затоптавший лидера своими лапами.

Но даже это не погнуло его броню. Он восстал из потока. Сопровождавшие его воины кинулись вожаку на помощь, но монстры сокрушили и расшвыряли их, а часть пришельцев была погребена под развалинами крепости. Вновь и вновь хищники обрушивали свою ярость на лидера, броня его уже утратила форму, но он всё ещё был жив.

Наконец один из монстров схватил вожака челюстями и проглотил целиком. Разведчики загикали и затараторили среди ветвей. Он мёртв! Пришелец мёртв! Отец Асцениан будет доволен.

Отец Асцениан ушёл в небо, о чём он предупреждал раньше, но обещал вернуться. По всему лесу появлялись пришельцы, и многие дикари приняли смерть от их мечей и ружей. Но это не имело значения. Тёмные пришли, а отец Асцениан ускользнул от них. В сравнении с этим, жизни дикарей были ничтожны.

Несколько скаутов уцелело высоко в кронах деревьев, они сумели ввести захватчиков в заблуждение, подражая щебету птиц и чириканью хищников. Они продолжали наблюдать за древней крепостью — единственным местом, где пришельцы потерпели поражение. Некоторые из них видели, как вожак выбрался из брюха монстра, прорубив себе путь. Броня его была изъедена кислотой и изжёвана клыками чудища, сам он, покрытый желчью и грязью, яростно ревел. Лидер был ранен и мог лишь ползти на животе, поскольку ног у него уже не было.

Появился ещё один воин в броне. Этот тоже носил чёрную броню и черепополюкий шлем. Новоприбывший был один. Двое бронированных пришельцев переговорили, и, похоже, лидер был зол.

Второй воин вытащил пистолет и дважды выстрелил вожаку в голову. Он постоял немного неподвижно, рассматривая убитого им человека. Потом затащил тело обратно в брюхо поверженного монстра и оставил его там.

Скауты осознали, пусть и на каком-то животном уровне, что стали свидетелями чего-то важного. Но ничего не было важнее того, что отец Асцениан выскользнул из лап тёмных пришельцев. Дикари ухали и вопили среди ветвей, счастливые, что дожили до победы своего отца.

С горечью и тяжёлой душой Дениятос обратился к ордену, поведав о павшем на них великом позоре. Боевые братья собрались в часовне Дорна на борту «Славы», тысяча Астартес и сотня послушников преклонили колени перед кафедрой.

— Реклюзиарх Горозий был одним из величайших героев нашего ордена, — начал Дениятос. — Всего человечества. Лишь благодаря усилиям таких Астартес мы превозмогаем. И только после их смерти осознаём, сколь многим им обязаны.

Проповедь Дениятоса была мастерской. Именно то, что мог рассчитывать получить орден от столь живого ума. Дениятос не стал останавливаться на печальных обстоятельствах смерти Горозия — пойман, растоптан и сожран боевыми зверюгами противника. Это было упомянуто лишь вскользь. Вместо этого Дениятос подчеркнул сомнительную природу людского существования и что Горозий являлся ярким символом того, что надлежит делать ради выживания. Собравшиеся прониклись чувством того, что не только Испивающие Души, но сама Галактика потеряла героя.

— Реклюзиарх Горозий пал во имя благой цели. — В голосе Дениятоса прибавилось мрачных интонаций. — Преследуя еретика Кройваса Асцениана. Поэтому наш долг не только почтить павшего брата, но и принять великий позор, запятнавший нас после провала этого дела. Горозий лежит на плите в Чертогах Покоя, а Асцениан — на свободе. Это — пятно на нашей чести, на чести всего человечества! Мы этого так не оставим! — Облачённые в чёрные бронированные перчатки руки Дениятоса сжали кафедру. — Принимая мантию реклюзиарха, сегодня я даю обет предать Асцениана суду. Он будет отыскан и пойман Испивающими Души и никем другим! А казнён он будет по велению реклюзиарха! Я клянусь в этом именем Горозия и Рогала Дорна!

Дениятос поднял крозиус, которым Горозий сражался на Хаале — символ власти реклюзиарха. Когда Горозий пал, то никто не сомневался в том, что Дениятос, чей «Военный катехизис» был почти у каждого шедшего в бой Испивающего Души, станет новым реклюзиархом.

Испивающие Души отсалютовали ударами кулаков о нагрудники. Они приветствовали Дениятоса в качестве нового духовного лидера и вместе с ним поклялись отыскать и покарать Кройваса Асцениана. Дениятос сошёл с кафедры, и Испивающие Души одновременно начали молиться, понизив голос.

Дениятос ушёл в покои реклюзиарха, соседствовавшие с часовней. Послушники были готовы услужить ему — забрать крозиус и поместить в отделанную красным шёлком благословенную шкатулку из черного дерева, снять доспехи и оружие, сделать запись его проповеди в огромной книге учёта, куда реклюзиархи записывали духовную историю Испивающих Души. Покои были скудно обставлены, но полны драматизма, подходящее место для медитации. На полках под иконами орденских героев из прошлого стояли тысячи книг, посвящённых теологии и боевой теории. Реклюзиарху требовалось

несколько комплектов брони, все они висели на одной стене — терминаторская броня Горозия, вся в отметилах от клыков и кислоты, от украшавших её книг остались лишь обугленные корешки. Церемониальная обсидиановая броня для встреч с посторонними делегациями, её редко использовали. Собственная броня Дениятоса, та самая, которую он принял в день посвящения, но окрашенная в чёрный цвет и расписанная черепами в день, когда он принял служение в качестве капеллана. Пепельно-серый доспех, украшенный вырезанными из кости черепами и чашами, для реклюзиархов отошедших от дел, но всё ещё живых, правда, такого случая в истории ордена ещё не было.

Дениятос велел послушникам уйти. Они поспешили выполнить волю реклюзиарха, и если не считать сервитора-кафедры, помещавшегося между двумя книжными шкафами, Дениятос остался в одиночестве.

Безусловно, он рисковал на Хаале. Горозий мог выжить, несмотря на то, что план отправить его прямиком в пещеры чудовищ Хаала такого не предусматривал. Какой-то странный инстинкт с самого начала удерживал Дениятоса от обнародования факта обнаружения им берестяной карты с обозначением места, где дикари Асцениана содержали боевых монстров. Может, это было некое предвидение, почти варповство, голос мудрости и опыта, подсказавший попридержать эту информацию до срока, когда она сможет пригодиться.

Ещё больший риск состоял в том, что Горозий поймёт суть изменений, внесённых в план Дениятосом — поспешная мера для устранения Горозия, прежде чем тот успел бы распространить свою идею о том, что «Военный катехизис» содержит тайное послание. Конечно, оно там было, Дениятос поместил каждое слово послания намеренно, но в намерения его не входило то, что послание будет распознано так скоро и, тем более, что распознает его Горозий. Он недооценивал умственные способности реклюзиарха.

Дениятос поправил последнюю мысль. Горозий не был реклюзиархом. Теперь им был Дениятос.

Но вот в чём риска не было совсем, так в том, что, Горозий мог предоставить право возглавить атаку на крепость кому-нибудь другому. С того момента, как он поверил в то, что Асцениан возможно там, можно было не сомневаться, что командовать атакой Горозий будет лично. Он не мог отказаться от возможности убить Асцениана лично, урвать себе ещё больше славы, добавить ещё строку в панегирик, который, как он считал, должен был провозглашать его деяния ещё многие десятилетия.

Как он мог отказаться? Он же был Испивающим Души.

Часть 5 — 481.M36

Реклюзиарху Дениятосу потребовалось много времени, чтобы проснуться.

Астартес никогда не спал. Он мог погрузить половину мозга в полудрёму, а вторая всегда оставалась начеку. Пробуждение для него означало лишь то, что до этого он был без сознания.

Поначалу Дениятос решил, что оказался в холодной воде. Холод окутывал его и сковывал глаза. Он не был наделён предательскими человеческими инстинктами, из-за которых несчастные судорожно глотали вонючую воду, запуская её в лёгкие, или же в панике теряли контроль над своим телом. Вместо этого Дениятос оценил ситуацию и сделал неглубокий вдох.

Он мог дышать. Холодное, жирное и липкое ощущение было каким-то внешним фактором.

Он также мог слышать и сумел распознать гул двигателей космического корабля. Для находившихся на

борту корабля звук двигателей постепенно превращался в фоновый гул, который потом сливался с тишиной. Теперь же, очнувшись, Дениятос обратил на этот звук внимание. Он был на корабле. Он был на «Когте Марса».

Дениятос попробовал подвигаться. Он был закован во что-то, что препятствовало малейшему движению конечностей. При этом лицо оставалось свободным. Он мог шевелить челюстью и головой, правда, немного. Космодесантник попытался открыть глаза. Веки слиплись, Дениятос предположил, что от спёкшейся крови. Кровь Астартес сворачивалась невероятно быстро, превращаясь в густые красные комочки сразу после вытекания из артерии или вены. Поэтому Астартес не мог умереть от потери крови, но были и свои отрицательные моменты. Если кровь попадала космодесантнику в глаза, то на их прочистку уходили драгоценные мгновенья.

«Коготь Марса» когда-то был кораблём эксплораторов — высокотехнологичным и древним судном для поиска новых варп-маршрутов. Во время одной из своих экспедиций он канул в варп на три тысячи лет. Обрато вернулось уже нечто другое — космический скиталец, деформированный и ужасный из-за долго заточения в варпе. Испивающие Души, возглавляемые Дениятосом, атаковали его. У памяти реклюзиарха, похоже, были схожие проблемы с глазами, и события из недавнего прошлого с трудом пробивались на поверхность.

Дениятос напрягся. Немногие оковы могли удержать Астартес. Те, что удерживали Дениятоса, со своей задачей справлялись. Руки и ноги занемели в оковах, он поморщился и напряг все мышцы тела, на шее мускулатура вздыбилась узлами, пресс упёрся в рёбра, позвоночник выгнулся назад.

Он прилагал все доступные силы, пока во рту не появился привкус крови, а сросшиеся рёбра не затрещали от напряжения. Дениятос расслабился и повис в оковах.

****Временные рамки описываемого периода являются предметом спора учёных.***

— Ты очнулся, — раздался голос. — Дай-ка я тебе помогу.

Голос хоть и был синтезирован, но звучал очень хорошо. Говоривший был мужчиной, явно в возрасте и с образованием. Богатый дворянин или старший адепт мог позволить себе такую высокотехнологичную искусственную гортань, когда утрачивал собственный голос. Дениятос почувствовал, как ловкие пальцы снимают кровавую кашу с глаз.

Веки Дениятоса распахнулись. Он был слеп долгое время, поэтому улучшенные глаза пытались защитить сетчатку от света, одновременно передавая изображение.

Он был внутри вериспика, лаборатории, в которой экипаж «Когтя Марса» исследовал образцы. На нескольких лабораторных верстаках находились отделанные латунию микроскопы и центрифуги. Сервиторы-лаборанты свисали с потолка, к их человеческим телам были прикреплены металлические конечности, поджатые к туловищам в режиме ожидания. Стены, исполненные в ржаво-красных и бронзовых цветах механикумов, были покрыты молитвами на машинном коде. Место выглядело относительно нетронутым, хотя кое-где пятна коррозии выдавали возраст помещения. В отличие от остального корпуса оно не поддавалось искажению во время дрейфа корабля в варпе.

Человек, счистивший с глаз Дениятоса кровь, стоял над ним. Это был Кройвас Асцениан.

Дениятос был уверен в своём суждении, хотя более чем за сотню лет поисков и преследования никто не

смог дать толкового описания еретика. Что-то было не так с его телосложением — слишком высокий для человека, но при этом сгорбившийся, что свидетельствовало о годах, потраченных Асценианом на чудовищные изуверства. Он всё ещё носил одеяния миссионера — коричневый подрясник был подпоясан золотым шнуром, с которого свисали различные иконы, выкраденные Кройвасом из святых мест. Среди последних были позолоченные костяшки пальцев, черепа святых, аккуратно расписанные деревянные иконы, взятые с примитивных алтарей, усеянные драгоценностями аквилы с посохов имперских священнослужителей. Плечи Асцениана были покрыты тяжёлой мантией из потрескавшейся кожи, а лицо наполовину скрыто капюшоном.

Никто не знал, как изначально выглядело лицо Асцениана. Оно восстанавливалось и перекраивалось столько раз, что утратило всякое сходство с тем, что давалось людям от природы. Оно напоминало механизм, собранный из частей тела. Челюсть была цельной, кожа едва обтягивала её. Крепившиеся к скулам щёки свисали над ней, позволяя гротескному созданию подражать мимике. Глазницы были широкими и влажными, а глаза, сидевшие в них, как метеориты в кратерах, хоть и были биологическими, но судя по разным цветам — от разных доноров.

Руки Асцениана, которыми еретик убрал кровь с лица Дениятоса, были механическими. Их даже не пытались сделать похожими на настоящие. Они напоминали тонкие металлические приспособления, заканчивавшиеся изящными пальцами, похожими на лапы паука.

Под сутаной угадывалось слишком большое для человека количество плечевых и локтевых суставов, было ясно, что под рясой скрывалось ещё несколько рук. Облачение Асцениана доходило до самого пола, но манера его перемещения подсказала Дениятосу, что ног у еретика нет. Возможно, тот парил над полом, а может, у него было множество небольших нижних конечностей, позволявших ему перемещаться подобно насекомому.

Асцениан отвернулся, осматривая лабораторный стол за его спиной. Там разместилось несколько образцов биологического материала, плававших в сохраняющем геле или пришпиленных к поверхности стола и вскрытых для исследования внутреннего устройства. Они были похожи на органы, которые всё ещё были покрыты кровью и блестели.

— Ты, — выдавил из себя Дениятос.

— О, ты ещё можешь говорить, — отозвался Асцениан, поворачиваясь. — Это хорошо. Предыдущий был менее склонен к разговорам.

Предыдущий? Дениятос вновь натянул цепи. Значит, был кто-то ещё. Ещё один Испивающий Души, угодивший в лапы Асцениана. Количество ждавших отмщения боевых братьев возросло. За те годы, что орден вёл охоту за еретиком, Асцениан сгубил немало из их числа.

Поимка Асцениана стала для Испивающих Души делом чести. Асцениан переиграл их, а кроме того, весь остальной орден был уверен в том, что еретик сгубил реклюзиарха Горозия. Дениятосу была введена правда относительно Горозия, но он всецело, как и любой из числа Испивающих Души, отдался делу охоты на Асцениана. И не только, чтобы сокрыть правду о смерти Горозия. Он искренне презирал Асцениана. Падший миссионер был выскочкой, претендовавшим на роль одного из вершителей человеческих судеб. Его эксперименты, пусть грубые и кровопролитные, свидетельствовали о том, что еретик стремился к более глубокому пониманию собственного вида. Преступления его были высокомерны, а никто лучше не разбирался в высокомерии, чем Испивающие Души.

Ордену понадобилось сто тридцать семь лет, чтобы выследить его. За это время Асцениан перебрался

жить на «Коготь Марса». Испивающие Души отыскивали корабль и взяли на бордаж. И потом Дениятос пал.

Реклюзиарх был повержен бомбой. Миной-ловушкой. Не пулей, не клинком, не даже рукой самого Асцениана. Еретик понимал, что рано или поздно его отыщут, а «Коготь Марса» будет взят на бордаж, поэтому он превратил корабль в смертельную ловушку. Он подждал Испивающих Души, или кого-то вроде них, чтобы собрать ещё скальпов в свою коллекцию.

Дениятос всё ещё не мог двигаться. Но он мог немного поворачивать голову. Он почувствовал знакомый металл горжета вокруг шеи и на секунду задумался над тем, почему Асцениан не снял с него броню. Мысль улетучилась из его головы, едва Дениятос увидел то, что было прикреплено к стене слева от него.

Ещё один Астартес был прикован к стене. Этот был без брони. Плоть его была мертвенно-бледной с багрянцем, вся в порезах и кровоподтёках. Мышц почти не было, что придавало телу провисший, кривобокий вид — настоящая анафема идеи Астартес. Это было настоящим надругательством — смотреть на космодесантника, доведённого до подобного состояния — слабого, жалкого и беспомощного.

Астартес был мёртв, но однозначно ослаблен перед умерщвлением, возможно, он провисел прикованным к стене несколько месяцев, пока его мышцы атрофировались. Грудная клетка космодесантника была вскрыта, а все органы вынуты. Дениятос разглядел татуировку птичьей головы на плече мертвеца. Гвардия Ворона, один из легендарнейших орденов Космодесанта. У них были свои счёты с Асценианом. Как и сам Дениятос, этот Астартес был оглушён и пойман.

Периферийным зрением Дениятос увидел кое-что ещё. Свою руку.

Рука была бледной и безвольно свисала с наручника на цепи, закреплённой в потолке. С ладони и руки была снята броня, кожа была вскрыта и заштопана. Из раны свисали уходившие к полу кабели и провода. Кисть также была вскрыта, Дениятос рассмотрел хомуты, крепившие провода к обнажённым мышцам. Космодесантник попытался шевельнуть пальцем, но рука не слушалась его полностью. Она была абсолютно мертва.

Упёршись шеей в воротник доспеха, он сумел посмотреть вниз. На ногах были следы точно таких же хирургических вмешательств, нижние конечности также его не слушались.

Провода были подключены к стоявшему на лабораторном столе монитору. Отшатнувшись, Дениятос понял, что Асцениан вскрыл его тело, чтобы добраться до нервной системы и считывать жизненные показатели. В процессе нервная система отключилась от конечностей, которые теперь были полностью обездвижены.

Когда Дениятос вновь осмотрелся, Асцениан стоял перед ним и в упор разглядывал.

— Я раньше бывал нетерпелив, — сказал Асцениан. — И, бывало, в спешке повреждал образцы. Но с тобой я постараюсь быть более последовательным.

Вены Дениятоса затопило льдом. Он был Астартес и не ведал страха, но всё ещё мог чувствовать ужас — пустую белую мерзость, заполнявшую разум человека. Дениятос никогда не чувствовал себя более похожим на человека, чем в этот момент. Асцениан забрал его способность управлять руками и ногами. Он стал просто ничем. Не мог сражаться. Не мог даже убежать. Он стал собственностью Асцениана. Всё, чем он был, чего достиг, будучи Испивающим Души, обратилось в прах.

— Ты, — продолжал Асцениан, — довольно интересное создание. Исследуя Астартес, я наполняюсь

ощущением, что все мои предыдущие эксперименты были лишь предтечей. Тренировкой, если угодно, перед моментом, когда сумею добраться до космодесантника. Я полагаю, тебе известно, что у тебя три лёгких. Но для меня это явилось откровением.

У Дениятоса в горле встал ком. Он чувствовал, что его сейчас вырвет. Какой-то скрытый инстинкт продолжал настаивать на освобождении от цепей. Каким жалким, должно быть, он выглядел, трепыхавшийся в цепях, словно перекручивание и раскачивание могло их разорвать. А что он будет делать потом? Поползёт на брюхе, как червяк? Асцениан мог просто наступить на него и наслаждаться тем, как Дениятос унижается дальше.

— Знаешь, что это? — спросил Асцениан. Механодендрит, шарнирный кабель, оканчивавшийся трёхпалой клешнёй, выскользнул из-под одежды, подхватил что-то с лабораторного стола и поднёс к лицу Дениятоса. Это был кусок мяса, перекрученная мышца размером с кулак.

— Сердце, — ответил Дениятос. У него появилось смутное ощущение, что стоит продолжать разговор с Асценианом.

Асцениан ухмыльнулся. Появилось ещё два механодендрита, на этот раз — из плечевых суставов, устройства выскользнули из-под мантии. Механические руки раскрутили болты, удерживавшие половинки нагрудника под плечевыми соединениями. Нагрудник полетел прочь.

— Подумай ещё, — предложил Асцениан.

Дениятос глянул вниз. На груди и животе виднелись следы тех же операций, что и на конечностях. Глубокий Y-образный разрез, характерный для тел, вскрытых в целях изъятия органов, шёл от его плеч к солнечному сплетению и дальше вниз до пупка. Из раны, края которой удерживались хомутами и стальными скобами, змеились провода и трубки. Сквозь кожу были видны красные полосы в тех местах, где ему сломали рёбра, чтобы вскрыть грудную клетку, а потом закрыть её вновь.

Дениятос ощутил растущий внутри тошнотворный ужас. Такого с ним раньше не бывало. Всё указывало на то, что его путь окончится в этом месте.

Всё это время аналитическая часть разума реклюзиарха продолжала работать. Эта часть сообщила ему, что в древе внутренних органов, многие из которых были добавлены при превращении в космодесантника, имеются пробелы.

— Моё сердце, — выговорил Дениятос. Слова давались с трудом. Раздробленные пластины грудной клетки разошлись, впуская воздух в лёгкие и позволяя говорить.

— Очень хорошо, — ответил Асцениан. — Думается то, которое было у тебя от рождения. Добавочное — занимательное творение. Полагаю, оно создано в чанах вашего аптекариона. Даже магосы-биологис с трудом могли бы соперничать с таким уровнем мастерства. Каждый новый разрез в телах вашего вида приносит мне всё новые открытия. Подумать только, я потратил столько времени, исследуя природу человеческих тел, в то время как истинное просветление заключалось в телах Астартес.

Асцениан говорил непринуждённо, поучительно, и Дениятос довольно живо представил, как этот же голос убеждает последователей еретика отказаться от своей человечности и стать его жертвами. В последовавшие за событиями на Хаале десятилетия произошли разного рода эксперименты, начало которым давал всё тот же рассудительный, не терпящий возражений голос. На Галдере-Магна он убедил десять тысяч просителей уподобиться животным, валяться в нечистотах и сражаться зубами и ногтями лишь для того, чтобы увидеть, кто из них станет хищниками, а кто — жертвами. Каким-то образом

Асцениан сумел пробраться на корабль Имперского Флота, а когда покинул его, уцелевшая десятая часть экипажа находилась на командной палубе, украшенной кожей, снятой с остальных девяти десятых. После своих деяний скучающий Асцениан исчезал на годы, чтобы появиться с новой, требующей проверки теорией.

— Досадно, — вздохнул Асцениан, — что космодесантников так трудно найти. — Механодендритом он ткнул в сторону мёртвого Гвардейца Ворона. — Этот был первым, которого я сумел заполучить неповреждённым. От усердия я его слишком сильно повредил. Будь спокоен, с тобой я буду более методичным.

Асцениан повернулся к лабораторному столу.

— У тебя явный избыток органов, полагаю, это сделано на случай ранений, чтобы перекладывать функции с одних на другие. Но значение некоторых мне не столь понятно. Прошу, скажи мне, для чего это?

Асцениан поднял с лабораторного стола миску с питательным гелем, в котором плавал ещё один орган. Это был желудок, от которого шли провода к его позвоночнику, как предположил Дениятос. Механодендриты Асцениана аккуратно открыли желудок вдоль линии разреза, на внутренней поверхности обнаружился небольшой беловатый узелок.

— Шёл бы ты... — прошипел Дениятос.

— Ну, дорогуша, — ответил Асцениан, вздохнув с таким разочарованием, что можно было почти ему поверить. Коготь третьего механодендрита сложился, выдвинув тонкий серебристый зонд, который еретик воткнул в пучок волокнистой материи, лежавший на столе за его спиной.

Было в ситуации что-то, что Дениятос упустил из виду, что-то кроме вынутых органов. Не было боли.

А вот теперь боль появилась.

Дениятос буквально окунулся в неё. Она прыгала по всем нервным окончаниям. Космодесантник тонул в боли, она заползала ему в лёгкие через глотку. Отключенные конечности охватил огонь, желудок в руках Асцениана свело судорогой, позвоночник разрывало на куски.

Такой боли ему чувствовать доселе не приходилось. В сравнении с этим можно было сказать, что раньше он вообще не знал, что такое боль. В него словно воткнулись сотни ножей. Фантомные ногти вырывало прочь. Нервы буквально пели в унисон.

Невозможно было определить, сколько времени продолжалась пытка. При такой боли время теряет всякое значение. Возможно, всё длилось лишь долю секунды, но одолеваемому чудовищной болью разуму Дениятоса до этого дела не было.

Боль ушла. Дениятос повис на цепях. По подбородку текла слюна, челюсть дрожала. Лёгкие судорожно пытались вдохнуть воздух.

— Кое-кому не стоит злить хозяина, контролирующего нервную систему этого кое-кого, — произнёс Асцениан. Он вновь указал на орган внутри желудка Дениятоса. — Что это такое?

Долг повелевал Дениятосу игнорировать Асцениана. Но долг также требовал от него выживания. Чем дольше он будет подпитывать интерес Асцениана к различным аугментациям Астартес, тем дольше будет оставаться живым и тем больше у него будет возможностей для...

...для чего? Сбежать? Убить Асцениана? Логическая часть мышления подсказывала, что эти вещи просто невозможны. Но Дениятос заставил её умолкнуть. Логика здесь не поможет. Продолжение борьбы само по себе было наградой.

И возможно, только возможно, всё же был один путь.

— Омофагия, — заплетающимся языком вымолвил Дениятос. Во время пытки он искусал себе губы и внутренние стороны щёк, изо рта вместе со словами сочилась кровь, — собирает расовую память. Мы можем... мы можем узнавать мысли наших врагов.

Искусственное лицо Асцениана изобразило любопытство.

— Поедая их плоть?

— Их... их мозги.

— О, просто изумительно. Именно то, что я и искал, хоть и не подозревал об этом до тех пор, пока не заполучил Астартес.

Дениятосу была нужна информация. Как Асцениану, желавшему побольше узнать о своих жалких подопытных, так и ему нужно было знать больше об Асцениане.

Кое-кто в комнате обладал информацией. Возможно, её было не так уж и много, возможно, лишь пара секунд ярости и боли. Но это будет уже что-то.

Дениятос практически незаметно сверкнул глазами в сторону висевшего по соседству Гвардейца Ворона.

Асцениан улыбнулся.

Механодендрит сложился внутрь себя, а наружу выскользнула циркулярная пила. С металлическим визгом диск начал раскручиваться. Асцениан подошёл к мёртвому Гвардейцу Ворона и поднял голову космодесантника. Пока циркулярная пила срезала верхушку черепа, еретик смотрел в остекленевшие глаза Астартес. Тонкая кровавая взвесь оседала на лицевых панелях Асцениана.

Пила закончила работу. Механодендрит перестроился в клешню и деликатно приподнял верхушку черепа Гвардейца Ворона. Мозг покойника обнажился, скрытый лишь сероватой мембраной. В дело вступили ещё два механодендрита, оканчивавшиеся тонкими скальпелями. Приспособления срезали мембрану, один механодендрит скользнул внутрь в щель между внутренней стенкой черепной коробки и мозгом и, предположительно, начал обрезать зрительные нервы, позвоночник и прочие якоря, удерживавшие мозг на месте.

Механодендриты бережно вынули мозг Гвардейца Ворона из черепа. Вся операция была проделана за пару минут. Асцениан вернулся к лабораторному столу и положил на его поверхность свою добычу. Это была рябая масса, немного сморщенная и обесцвеченная из-за начавшихся процессов разложения.

Дениятос позволил симптомам страха проявиться на своём лице. Не явно, конечно. Асцениан не смог бы заподозрить фальшивку. Он немного расширил зрачки, напряг мышцы шеи, стал задерживать дыхание.

Асцениан отрезал тонкий ломтик мозга Гвардейца Ворона и бросил его в желудок Дениятоса.

Желудок был всё ещё подключен к нервной системе Дениятоса, и тот сразу ощутил, как омофагия

распознала богатый воспоминаниями материал.

Задние доли мозга затопили примитивные мысли Гвардейца Ворона. Мрачное стремление к смерти, чувство преследования и гнев, чёрная ненависть к жизни, вкладывавшаяся в рекрутов Гвардии Ворона. Вот как думали Гвардейцы Ворона: Галактика — место жестокое, поэтому им надлежит быть ещё более жестокими. Жизнь считалась отклонением от нормы, а смерть — священным долгом. Они были мрачным братством, искателями забвения. Гвардейцы Ворона были почти полной противоположностью Испивающих Души, но при этом являлись Астартес.

Дениятос продолжил концентрироваться, и на поверхность всплыли более сложные мысли. Самые свежие воспоминания были самыми неповреждёнными, поэтому удалось воспринять только их. Великая злость потерпевшего неудачу, обида при поимке. Перед Дениятосом проплыла картина горящего ударного крейсера Астартес, корпус которого был истерзан многочисленными орудиями космического скитальца Асцениана. Всё это он видел через иллюминатор спасательной капсулы, на которой спасся Гвардеец Ворона и которую, скорее всего, потом захватил Асцениан.

Гвардеец Ворона сражался. Асцениан отправил по его душу боевых сервиторов — машин из плоти и стали. Большинство было повержено, но, в конечном счёте, их просто было слишком много.

Теперь Дениятос видел глазами прикованного к стене лаборатории Гвардейца Ворона. Асцениан стоял перед ним, образ искажался гневом и досадой, переполнявшими разум пойманного космодесантника.

Потом пришла боль. Асцениан препарировал Гвардейца Ворона с ликованием вивисектора, смакуя страдания своей жертвы так же сильно, как и радость от новых открытий в физиологии Астартес. Пилы вскрывали рёбра Гвардейца Ворона. Лезвия зондировали живые органы, в разуме Гвардейца Ворона выгорали тысячи болевых рецепторов. Омофагия приглушала ощущения, но Дениятосу приходилось прикладывать усилия, чтобы не отшатнуться и не отбросить прочь мысли погибавшего Гвардейца Ворона.

«Скажи мне! — раздался искажённый и усиленный голос Асцениана. — Скажи мне! Как они изменяют тебя? Что они делают? Что ты такое, служитель Императора? Механикусы не могут создать тебя. Ни один из магосов Марса не способен создать Астартес! Что ты такое?»

И вот пришла смерть. Через омофагию Дениятос попробовал смерти тысяч поверженных врагов, и все они были одинаковы — наполнены холодом, страхом и чувством одиночества. Он отпустил мысли Гвардейца Ворона до наступления этого момента. Погибший Астартес заслужил хотя бы это небольшое уважение.

Дениятос свесил голову так, словно был обессилен.

Асцениан не знал. Он не знал о геносемени.

Дениятос поднял глаза на ухмылявшегося перед ним Асцениана.

— Ну и? — спросил еретик.

— Будь ты проклят, — ответил Дениятос. Он позволил своему голосу звучать слабо. Он представил себе, будто разум его ошеломлён переживанием мучений другого Астартес, и что теперь он весь во власти милосердия Асцениана. Ничто не порадовало бы Асцениана больше, чем Астартес, одно из лучших творений самого Императора, сломленный и податливый.

— Что ещё за секреты ты прячешь в своих органах? — продолжил допрос Асцениан. — Или мне убедить тебя ещё разок?

— Нет, — торопливо ответил Дениятос. — Нет. Я... я покажу тебе. Умоляю. Я покажу.

Асцениан подошёл ближе.

— Ну так показывай, Испивающий Души.

Дениятос посмотрел на Асцениана, с трудом пряча ненависть в глазах.

— Тебе нужно геносемя.

Асцениан поднял бровь:

— Геносемя?

— Каждый Астартес несёт в себе генетический отпечаток своего примарха. Именно он регулирует наши изменения. — Мысли Дениятоса полетели птицей. Он на ходу сочинял басню, чтобы быстро и полностью завладеть вниманием Асцениана.

— Император создал примархов, — начал Дениятос, — по Своему образу и подобию. Но самостоятельно завоевать целую Галактику они не могли. Всего было двадцать примархов, но двое из их числа были презираемы остальными.

— Хорошо, — отозвался Асцениан увлечённо, — когда моя история будет написана, часть, посвящённая тебе, будет самой большой. Продолжай Астартес. Продолжай!

— Примархи, — разглагольствовал дальше Дениятос, — убили тех двоих и разрезали на тысячи кусков. Каждый кусок был имплантирован в воина, в результате чего появились первые космодесантники. Когда один из наших братьев погибает, другие, рискуя жизнями, забирают тело, ибо геносемя внутри каждого из нас — частичка убитых сыновей Императора.

***Забавно!**

Лицо Асцениана почти расколосось от восторга. Лицевые пластины едва удерживались на местах:

— Кровь самого Императора! Плоть потерянных примархов! Это содержится в каждом Астартес?

— Так и есть, — подтвердил Дениятос. — В прогеноидах. Внутри каждого из нас.

— Неужели... здесь, в существе, висящем передо мной, находится плоть самого Императора?

— Примархи были рождены от плоти Императора, — пояснил Дениятос. — Они Его братья в той же степени, что и сыновья.

Асцениан вперился взглядом в исполосованного Дениятоса, размышляя над тем, где же он проглядел этот священный орган.

— Где, — спросил еретик. Дениятос помолчал чуть дольше, чем требовалось.

— Где оно? — Асцениан начал терять терпение. Вожделение полностью поглотило его.

— В моём горле, — ответил Дениятос. — За гортанью. В позвоночнике, в окружении позвонков.

— Что ж, посмотрим на божественную искру, — произнёс Асцениан, подступая ближе к Дениятосу. Из механодендритов развернулся целый веер тонких инструментов. Ножи, пилы, клещи, шприцы.

Дениятос поднял голову, обнажая горло.

Первое лезвие коснулось его глотки. Точка боли выросла в линию, затем скользнула внутрь вместе с лезвием. Дениятос сжал зубы. Это была не боль. Это было ничто. Просто доказательство того, что он ещё был жив. Ни один враг не способен причинить истинную боль космодесантнику. Именно это твердил себе Дениятос, когда через вскрытое горло хлынули потоки свежего воздуха и обволокли обнажённые мышцы шеи.

Асцениан слегка отстранился, вглядываясь в горло Дениятоса, пара щипчиков удерживала края плоти вокруг надреза.

— Он очень хрупкий, — прохрипел Дениятос. — Его легко повредить.

Асцениан вытянулся вперёд, чтобы лучше разглядеть объект. За беловатыми хрящиками гортани, позади стержней из мышц Астартес виднелся тёмный, багровый перекрученный кусок плоти. Это была не мышца и не кость. Не являлся этот комок также частью трахеи или пищевода. У него не было аналогов в человеческом теле.

— Чудесно, — мягко пролепетал Асцениан, — Дар Императора человечеству. Видеть это... держать в руках... словно самому быть богом...

Асцениан придвинулся ещё чуть ближе.

Дениятос сделал выпад.

Зубы Дениятоса сомкнулись на шее Асцениана где-то под мантией одеяния еретика. Цепи яростно зазвенели, когда застигнутый врасплох Кройвас затрепыхался взад-вперёд, но Дениятос не выпустил добычу. Асцениан пытался вырваться, но реклюзиарх вцепился в него так, как мог только Астартес, из этой хватки еретика было не выбраться.

Дениятос почувствовал, как его зубы сломали искусственную речевую коробку. Он почувствовал, как скрежещут кости и рвётся плоть. Рот космодесантника наполнился горячей влагой, жирной и вонючей, чем бы Асцениан ни заменил себе кровь, её всё ещё можно было пролить.

Возможно, Асцениан не нуждался в дыхании. Возможно, в его глотке находилось лишь то, что позволяло ему говорить. На самом деле, это не имело значения. Пока Дениятос был способен наполнить последние мгновения жизни чувством долга, он имел право называть себя Астартес.

Клинки вонзились в реклюзиарха. Циркулярная пила погрузилась в его спину. Бешено вращавшийся диск перерубил позвоночник воина, вся нижняя часть тела моментально отнялась. Челюсть продолжала сжиматься, сокрушая позвонки.

Асцениан, при всех своих улучшениях, был живым организмом. В нём было немало того, что можно было убить.

Фонтан крови брызнул из разорванной артерии. Асцениан обмяк, когда его позвоночник перерубили осколки костей и куски позвонков. Дениятос помотал головой из стороны в сторону, обрывая сухожилия

в шее еретика.

Во рту Дениятоса было полно крови. Она заполняла его горло и вытекала из носа. Он не отпускал врага. Космодесантник мог не дышать дольше, чем Асцениан обходиться без крови. Шея Кройваса была человеческой, насколько мог судить Дениятос. Он нуждался в дыхании, в снабжении мозга насыщенной кислородом кровью. Вполне вероятно, что в нечестивом искусственном теле Асцениана не было других уязвимых точек. Но Дениятос отыскал ту, которая делала еретика человеком.

Дениятос не разжимал зубы довольно долго. Асцениан не двигался, но это не значило, что он умер. Фальшивый миссионер мог симулировать смерть веками, если бы это помогло выжить. Но Дениятос не чувствовал сердцебиения. Поток крови, хлеставшей из шеи еретика, сначала стих, а потом и вовсе прекратился. Либо в теле Асцениана не осталось крови, либо его сердце, если, конечно, таковое имелось, остановилось.

Приняв во внимание то, как из его рта свисала голова еретика, Дениятос мог сказать, что она практически отделена от тела. Просто болталась на коже и хрящах. Количество растёкшейся по полу лаборатории крови свидетельствовало о том, что ничто, даже пусть лишь отдалённо напоминающее по своей структуре человеческий организм, не могло выжить. Но Дениятос продолжал сжимать зубы, пока, наконец, спустя несколько часов, его челюсть не разжалась от изнеможения, и тело Асцениана грохнулось на пол.

Ряса Асцениана распахнулась, когда еретик распластался на земле в луже тёмной маслянистой крови. Дениятос увидел, что человеческого в нём осталось немного. Грудь Асцениану заменила машина в латунном корпусе, целиком состоявшая из шестерёнок и паровых клапанов. Под ней находилось множество механодендритов, служивших еретiku ногами. Бесчисленные медицинские инструменты и приспособления были закреплены по всему туловищу Асцениана, он пользовался этим внушительным арсеналом при помощи наспинных механодендритов. Лишь мозг, внутренние органы и соединения между ними напоминали о человеке, некогда провозгласившем себя миссионером Имперского credo.

И теперь он был мёртв. В этом факте сомневаться не приходилось. Асцениан был практически обезглавлен.

Дениятос мог умереть, исполнив долг. Конечно, были ещё тысячи других задач, до исполнения которых он не доживёт. Но эта была выполнена. Асцениан был мёртв. Дениятос свесил голову, позволив себе отдых.

Часть 6 — 481.M36

Под руководством реклюзиарха Дениятоса реклюзиам Испивающих Души подготовил трёх капелланов, чьи верность и целеустремлённость заслуживали доверия Дениятоса. Сам же Дениятос возвысился до титула, который невозможно было получить рутинным служением ордену. Он стал более чем реклюзиархом, что само по себе делало его вторым по рангу после магистра ордена. Вместо этого он превратился в философа-воина, воплощение духа ордена, нравственного отца каждой мысли и деяния всех без исключения Испивающих Души. В обязанности избранных капелланов входила забота о его наследии — они должны были следить за тем, чтобы «Военный катехизис» оставался образцом верований Испивающих Души, и наблюдать за философской обоснованностью его учений.

Этих трёх капелланов звали Аполлониос, Фемискон и Асияр. Аполлониос дослужился до звания

штурмового капитана, после чего в поисках большего смысла, чем тот, что содержался в потрошении врагов Императора цепным клинком, перешёл на службу в реклюзиам. Поговаривали, что он был самым сильным и умелым бойцом ордена за последнюю сотню лет, и всё это общественное признание было принесено капитаном в жертву при вступлении в ряды капелланов.

Фемискон был настоящим талисманом неудачи. Будучи послушником, он пережил трёх наставников, к которым последовательно был приписан. Чтобы доказать, что суеверие не может довлеть над Астартес, Фемискона произвели в боевые братья вопреки сопровождавшим его несчастьям. Оказавшись во второй раз единственным выжившим из всего отделения, он испросил позволения понести епитимью за обрушившиеся на его боевых братьев катаклизмы, источником которых, как считал Фемискон, был он сам. Реклюзиам принял его, Дениятос лично перевоплотил Фемискона из предвестника бедствий в икону искупления, доказав, что даже самая тяжёлая судьба не может освободить Астартес от исполнения долга. Фемискон отправлялся в бой, пронзив кожу раскалёнными шипами, боль напоминала ему о былых грехах и уготованных врагам ордена мучениях, которые падут на них в бесконечной войне отмщения против всей вселенной.

Асияр сопровождал Дениятоса некоторое время и оказался редкой находкой среди Астартес — учёным, искателем знаний. Он служил технадесантником и прошёл паломничество на Марс, но тайны технологий, доступных ордену, не удовлетворили его стремления к пониманию. Дениятос доверил ему архивы реклюзиама и сопоставление многочисленных комментариев к «Боевому катехизису», оставленных Испивающими Души за минувшие с момента написания книги десятилетия. Как и любой Астартес, Асияр сражался яростно и умело, но его истинная ценность для ордена заключалась в умении отвечать на духовные вопросы братства и проявляемой им заботе о разумах братьев, похожей на ту, с которой аптекарии присматривали за телами космодесантников. Асияру была оказана честь вести записывать свершения самого Дениятоса, которые, несомненно, служили бы примером для каждого, пришедшего служить в реклюзиам.

Фемискон возглавлял отряд Испивающих Души, проникнувший в недра «Когтя Марса» в поисках Дениятоса. Реклюзиарх пропал во время первой атаки на космический скиталец и считался пленённым или временно выбывшим из строя. Никто не хотел верить в то, что Дениятос погиб в многочисленных трусливых ловушках Асцениана. И правда, Фемискон отыскал живого Дениятоса рядом с телом еретика Кройваса Асцениана.

Но Дениятос был изуродован столь сильно, что не было никакой надежды на восстановление легендарного воина. Конечности висели безвольными плетьюми, органы изъяты, у него не было надежды на выздоровление. Не оставалось сомнений в том, что реклюзиарх должен был погибнуть от нанесённых Асценианом ран, как и в том, что сам Кройвас был абсолютно точно мёртв. С великой печалью Фемискон перенёс тело Дениятоса на корабль Испивающих Души и поместил в аптекарион.

Коленопреклонённый Аполлониос нёс бессменное бдение рядом с телом Дениятоса. Аптекарии сражались за жизнь реклюзиарха. Некоторые предлагали даровать мученику милость Императора, но Аполлониос раздражённо пресекал подобные разговоры и зашёл настолько далеко, что заявил во всеуслышание — любой из Астартес, вознамерившийся прервать страдания Дениятоса, будет сперва иметь дело с самим Аполлониосом. Свирепость Аполлониоса была хорошо известна братьям, поэтому Дениятос был предоставлен собственной судьбе, жизненные показатели реклюзиарха угасали с каждой секундой.

И именно Асияр не дал угаснуть надежде. Едва отправленный к «Когтю Марса» отряд вернулся к основным силам флота, как Асияр исчез в недрах «Сверкающей смерти». Вступая в ряды капелланов, он

прошёл испытание на палубах «Сверкающей смерти», но ходили слухи, что он потом ещё не раз навещался на мрачный корабль, общаясь с разгневанными призраками покойников ордена. Асияр и правда бывал там несколько раз, но по воле Дениятоса, который, договорившись с беспокойными призраками, разместил на борту «Сверкающей смерти» оперативную базу, о чём за пределами реклюзиума никто не догадывался.

Асияр призвал остальных капелланов на «Сверкающую смерть» и велел принести с собой Дениятоса.

На борту «Сверкающей смерти» имелась собственная часовня Дорна. Это был храм войны, монумент, славящий жестокость. Пол был вымощен осколками черепов ксеносов. Из стреляных гильз от артиллерийских снарядов были сварены колонны. Захваченными трофеями — оружием и бронёй на стенах была выложена мозаика смерти. В течение прошедших столетий Испивающие Души приходили сюда, когда чувствовали свою вину в неудачах, постигших орден, чаще всего — боевых неудачах. Под незрячими глазницами окаймлявших потолок тысяч черепов, стоя перед бронзовой статуей Рогала Дорна, запечатлённого в облике палача Императора, они приносили смертную клятву. Они просили примарха ниспослать им сил, чтобы погибнуть в бою, ибо Астартес не может разбрасываться своей жизнью и должен молить судьбу о встрече с врагом, доблестным настолько, чтобы тот был достоин сразить его. Большинство приносимых в храме Войны клятв были тайными, боевые братья не ведали о желании отдельных Астартес встретить смерть. Однако все эти клятвы исполнялись, некоторые вскоре после принесения, другие — через многие годы, ибо не павший на поле брани космодесантник — явление редкое.

Асияр посмотрел на статую своего примарха. Лицо Рогала Дорна скрывалось под капюшоном, а в руках он держал обсидиановый клинок чемпиона Императора.

— Думаете, Дорн простит нас? — спросил он.

***Нет.**

— Нас не за что прощать, — возразил Аполлониос. Он не смыл с доспехов кровь после штурма «Когтя Марса» и вонял ружейной смазкой и спёкшейся кровью. — Почему мы должны просить прощение за исполнение своего долга?

— Конечно, — ответил Асияр. Кожа и волосы Асияра были бледны до такой степени, что любой, кто видел капеллана впервые, принимал его за тяжелобольного. Асияр был облачён в церемониальную броню традиционного для капелланов черного цвета. На одной половине его лица были вытатуированы очертания собственного черепа, так что с одной стороны космодесантник выглядел умирающим, а с другой — уже мёртвым. — Но знал ли благословенный Дорн о пришествии Дениятоса? Предвидел ли он это? Наш повелитель — величайший из всех, кто когда-либо облачался в цвета Испивающих Души. Среди тех, в ком течёт кровь Дорна, нет никого, кто смог бы превзойти его. Знал ли Дорн, что всё сложится именно так? Или сами примархи были лишь игрушками во власти судьбы, и мог ли лишь надеяться на то, что однажды воин-философ появится?

— Ты слишком много думаешь, брат, — заключил Фемискон. В отличие от Аполлониоса он расстался с бронёй, в которой вёл поиски на борту «Когтя Марса» и одел свою излюбленную простую чёрную броню. Поверх доспеха он накинул тяжёлые коричневые одеяния, запятнанные кровью, которую проливал

каждый день, подвергая себя многочисленным истязаниям. — Наша задача не искать ответа у звёзд. Наша — служить.

Фемискон покати́л хирургическую каталку вниз по коридору к храму Войны. На каталке лежало закреплённое ремнями тело Дениятоса, вокруг которого расположилось множество мониторов, а к внутренним органам были подключены различные приборы из арсенала аптекариона. Грудная клетка Дениятоса была вскрыта, внутренности защищала лишь тонкая марлевая накидка. Реклюзиарху привили донорские органы, но никто не верил, что они долго протянут.

— Ты так и не сказал нам, Асияр, — произнёс Аполлониос, — зачем его нужно было сюда доставить.

— Затем, что Дениятос не умрёт, — ответил Асияр.

Он вынул с одного из свисавших с талии подсумников некое устройство. Выглядело оно как небольшой чёрный шестиугольник, буквально усыпанный кнопками. Асияр нажал несколько клавиш.

За статуей Рогала Дорна раздался звук запускающегося двигателя и встающих на место поршней. Палуба задрожала от тяжёлой поступи.

— Когда «Сверкающая смерть» исчезла, — постарался перекричать грохот Асияр, — вместе с ней канули в Лету и находившиеся на борту реликвии, многие из которых ныне преданы забвению. В смутных преданиях нашего ордена я отыскал сведения об одной из их числа и вернулся, чтобы отыскать её. И преуспел.

Неясный силуэт громыхал в полумраке часовни. Размером он был с танк, но передвигался на двух коренастых ногах, оставлявших глубокие следы в палубном настиле. Квадратный корпус был украшен изображением золотой чаши Испивающих Души и покрыт печатями чистоты и пергаментами с молитвами. Одно угловатое плечо заканчивалось массивным силовым кулаком — четыре пласталевые пластины образовывали бочкообразный кулак. Вторая была заменена пусковой установкой, снаряжённой дюжинами ракет. Машина подрагивала в такт рыкам силовой установки.

— Трон Терры, — выдохнул Фемискон. — Небеса Марса. Дредноут.

— Единственный, которым располагает орден, — подтвердил Асияр. — И никто о нём не знает кроме нас. Считалось, что он сгинул вместе с братьями на «Сверкающей смерти», но машина выжила. Теперь он наш.

****Видите? Как могут быть его слова правдой, если он путается в количестве дредноутов собственного ордена?***

Фемискон подошёл к дредноуту и почтительно коснулся рукой бронированного корпуса.

— Мы не должны терять время, — сказал он.

Аполлониос и Асияр открыли саркофаг дредноута. Внутри в замысловатой паутине из трубок и проводов располагалось кресло, подходившее по размерам для Астартес. Вокруг кресла находилось несколько десятков зондов и шприцов.

Фемискон бережно перенёс Дениятоса в кресло дредноута. Фемискон провёл некоторое время, перенимая науку аптекариев ордена, в надежде на то, что превратности судьбы не отыщут его в такой

дали от поля боя. Эксперимент не оправдал ожиданий, но полученных им навыков оказалось достаточно для подключения зондов и проводов дредноута к интерфейсам тела Дениятоса. Имплантированный в грудную клетку Дениятоса чёрный панцирь был практически полностью разрушен Асценианом, но аптекарии сумели заменить утраченные порты подключений.

Два других капеллана молча наблюдали за процессом. По всем внешним признакам Дениятос был мёртв. Глаза не открывались, зонды втыкавшиеся в тело не вызывали кровотечения. Одна лишь вера твердила им, что лежавший в кресле дредноута человек ещё жив.

Ритуалы и операции помещения космодесантника внутрь дредноута были сложны и длительны. Фемискон трудился три дня, остальные перемещались между «Сверкающей смертью» и другими кораблями флота, доставляя материалы из аптекариона, ладан и священные писания из реклюзиама. Когда всё было готово, тело Дениятоса едва можно было разглядеть среди проводов и трубок. Лицо полностью скрывала дыхательная маска и закрепленная на глазах электроника.

Фемискон закрыл саркофаг. Звук, прокатившийся по часовне, напомнил звон далёкого соборного колокола.

— Будем молиться, — произнёс он.

Три капеллана преклонили колени и стали безмолвно повторять заученные из «Военного катехизиса» молитвы. В этом состоянии место и время утратили для них всякий смысл. Они могли быть где угодно и везде одновременно, их разумы работали над поведенными Дениятосом великими истинами. Над их долгом. Смыслом существования. Великим планом, частью которого они были. То была очистительная молитва, позволявшая сбросить оковы человечности и познать истину о том, чем они в действительности являлись.

Их мысленные упражнения были прерваны изменившимся тоном работы двигателя дредноута. Где-то внутри машины вспыхнули огоньки. Силовой кулак сжался, а саркофаг провернулся на шарнире, словно осматривая местность, в которой оказался.

— Я живу, — раздался рычащий искусственный голос из вокс-говорителей, установленных в верхней части корпуса. — Я вижу. Я вижу, братья мои.

Три капеллана продолжали стоять на коленях. Их молитвы были услышаны.

— Владыка реклюзиарх, — сказал Фемискон. — Мы ждём твоих распоряжений. Что нам делать? Как мы можем послужить?

— Я знал, что это время придёт, — ответил Дениятос. — Ведите меня в Оружейную палату.

Капелланы повели Дениятоса вниз через многочисленные палубы «Сверкающей смерти». Призраки ордена взирали на них с подозрением, по-прежнему не доверяя живым, не смотря на то, что Асияр заключил с привидениями перемирие. Движения Дениятоса были медленными и неуверенными, поскольку он только привыкал к своему новому механическому телу. Фемискон бормотал молитвы защиты, пока Астартес шествовали по древним коридорам и корабельным палубам сборов — местам, где давно уже сгинувшие поколения Испивающих Души постигали пути войны.

В Оружейной палате когда-то хранились некоторые реликвии ордена. Многие были спасены после

катастрофы, постигшей «Сверкающую смерть». Некоторые были навсегда потеряны в варпе — предметы древних клятв, записанных в истории ордена. Реликвии содержались в сейфовых ячейках, каждая размером с ящик из морга, на внешней стороне стенки была нанесена история хранившегося внутри оружия или фрагмента брони. Сейфы занимали целую стену, разместившись позади стоек с бронёй, оружием и дуэльных клеток, в которых предыдущие поколения Испивающих Души практиковались с излюбленным оружием.

Дредноут Дениятос протопал к сейфам. Он указал на один из них пальцем силового кулака.

— Открывайте, — произнёс он, усиленный динамиками голос отразился от дальней стены зала.

Аполлониос открыл дверцу камеры хранения.

Ужасный смрад вырвался из неё. Смесь человеческих испражнений, пота и рвоты. Это была вонь чего-то живого, и именно поэтому ему не было места на «Сверкающей смерти».

— Вытащите его, — распорядился Дениятос.

Аполлониос вытащил ящик. Внутри оказалось тело человека, привязанное кожаными ремнями. В его горло и вены были воткнуты трубки, создававшие систему схожую с той, что поддерживала жизнь Дениятоса внутри дредноута. Это был мужчина, его кожу цвета воска испещряли фиолетово-голубые вены. Некоторая часть оборудования была явно взята из аптекариона ордена и предназначалась для сохранения жизни сильно израненных Астартес. Невозможно было судить о том, сколько здесь пролежал человек погребённым заживо.

— Пусть говорит, — приказал Дениятос.

Фемискон убрал изо рта мужчины воздуховодную трубку и стянул повязку с глаз несчастного. Космодесантник пощёлкал по клавишам на медицинской панели, подключённой к телу человека, в ответ раздалось шипение, с которым устройство впрыснуло в пациента коктейль из лекарств.

Мужчина забился в конвульсиях, тело выгнулось дугой. Человек откашлялся кровью. Глаза его распахнулись, но даже в царивших на борту «Сверкающей смерти» сумерках пленник сощурился, пытаясь уберечь глаза.

Человек в панике забился, но ремни держали его крепко. Медицинские зонды вырвались из тела, брызнула кровь. Через несколько мгновений он, казалось, вспомнил, что не может сбежать, и, смирившись, лёг обратно.

Глаза мужчины отыскали Дениятоса и сфокусировались на нём. Выражение лица человека не изменилось, но взгляд был прикован к нависавшему над ним монстру.

— Приветствую, Фиделион, — произнесло чудовище. — Я — Дениятос.

Фиделион закрыл глаза и откинулся, словно пытаясь уснуть, чтобы всё происходящее оказалось просто сном. На его груди всё ещё виднелись татуировки Имперской Гвардии — потускневшие голубоватые контуры двуглавого орла и длинная череда меток убийств.

— Как... — прохрипел Фиделион, — как долго? — Голос был едва слышен.

— Тебе сто девяносто восемь лет, — ответил Дениятос.

Фиделион вздохнул.

— Зачем ты пробудил меня?

— Пришёл твой срок исполнить своё предназначение, — произнёс Дениятос.

— Досточтимый реклюзиарх, — вмешался в беседу Асияр, — это тот человек, о котором вы писали? Фиделион, герой Терры?

— Это он, — подтвердил Дениятос. — В «Боевом катехизисе» много пробелов. Я должен передать некоторые знания лично вам. Именно на Терре я пришёл к осознанию той цели, которой должен был посвятить себя, а вместе со мной — и весь орден Испивающих Души. Именно к этой цели вы будете идти и вести за собой орден, братьям которого цель не будет введома до тех пор, пока не наступит подходящий момент. У меня есть план, братья мои, для всей Галактики. Всё, что я видел, будучи Астартес, подтверждает его правоту. Узрев сейчас, насколько близко смерть подобралась ко мне, я должен передать это бремя вам, братья мои, и исчезнуть из этой эпохи Империи до той поры, пока ваши наследники не отыщут меня.

— Каковы будут указания? — спросил Фемискон.

— Во-первых, — ответил Дениятос, — я должен быть уверен, что цель моя истинна. Фиделион, я держал тебя здесь, чтобы, закончив подготавливать детали плана, иметь возможность убедиться в том, что все они послужат моей цели. Слушай, Фиделион, герой Терры.

Фиделион не выказал страха. Похоже, он готов был принять любую уготованную ему судьбу.

Дениятос, вдаваясь в сложные детали, довольно долго объяснял им то, что планировал сделать с орденом Испивающих Души. Он описал, какими средствами будет манипулировать орденом, как «Военный катехизис» посеял в умах боевых братьев идею об уходе из-под имперской власти, что в свою очередь сделает их отступниками в Империи. Возможно, это произойдёт через сотни лет, а возможно, и через тысячи, но это неизбежно. Он пояснил роль капелланов в едва заметном направлении ордена-отступника к их цели, которая могла быть достигнута только в том случае, если Испивающих Души объявят врагами Империи.

****Проклятье их не подлежит сомнениям.***

Дениятос объяснил, что они предпримут в страхе и отчаянии. Он объяснил на счёт Терры.

Когда Дениятос закончил, Фиделион упал со своей плиты и растянулся на холодном полу, выглядел бывший гвардеец довольно жалко. Он плакал, буквально рыдал, закрыв руками лицо и не обращая внимания на наблюдавших за ним трёх Астартес и дредноута.

— Убейте меня, — прохрипел он. — Позвольте мне умереть, чтобы я не видел, как всё это произойдёт. Я выполнил всё, что вы от меня хотели. Я сыграл свою роль. Позвольте мне умереть.

Аполониос исполнил его желание. Он сломал Фиделиону шею одним простым движением руки, окончив жизнь солдата, храбрость которого достигала пределов, отведённых обычным людям. Фиделион иссох за десятилетия заключения, тело его стало лёгким и хрупким. Фемискон прочёл над ним молитву и отправил в пустоту через один из воздушных шлюзов «Сверкающей смерти».

Дениятос наблюдал за трупом Фиделиона через электронные глаза нового тела. Бывший гвардеец летел прочь, сначала он превратился в неотличимую от звёзд светящуюся точку, а потом и вовсе пропал из виду.

— В руках Асцениана я почти перешёл грань между жизнью и смертью, — произнёс Дениятос. — Более я не позволю исполнению долга влиять на личное выживание. Смерть преследует на каждом шагу даже космодесантника. Орден должен взять это на себя. Вам троим надлежит подобрать традицию, по которой новые капелланы будут приниматься в реклюзиам и проходить обучение под вашим руководством.

— Вы уверены, что это сработает? — спросил Аполлониос. — Даст ли ваше планирование ожидаемый результат.

— Конечно, сработает, — ответил вместо Дениятоса Асияр. — Именно через страдания люди Империи придут к спасению. Эти страдания и есть наша истинная цель. Подумай об этом, брат. Поразмысли над всем, что прочёл в «Боевом катехизисе». Разве не указывает оно в этом направлении? Разве не обретает оно в данном свете идеального смысла?

— Обретает, брат, — ответил Аполлониос. — Обретает.

— Я должен покинуть вас сейчас, — прозвучал голос Дениятоса. — Орден должен изучить уроки «Военного катехизиса» не через мои интерпретации, а самостоятельно. Столетия назад наш орден посетил мир Селаака в Вуальевом регионе. Сейчас об этом никто не помнит, будучи реклюзиархом, я стёр все упоминания о планете из архивов ордена. Я буду в безопасности там. Оставьте подсказки будущим капелланам, чтобы те смогли отыскать меня.

— Мы можем доставить тебя туда, — ответил Фемискон. — Я возьму на себя ответственность за твою смерть, скажу, что именно мои личные неудачи на «Когте Марса» привели к такой невосполнимой потере для ордена. Я отправлюсь совершать паломничество в поисках прощения и искупления. Это будет похоже на меня, потому как я немало потрудился над грехами, ниспосланными мне судьбой. Я заберу тебя с собой и доставлю на Селааку.

— В таком случае мы останемся с флотом, — сказал Асияр, — и продолжим работу.

****Орден сейчас отправился на Селааку для извлечения Дениятоса, чтобы тот мог предстать перед судом вместе со своими павшими братьями.***

— Мы удостоимся величайшей чести, — высказался Аполлониос. — Нет более тяжкого долга, чем тот, что вы взваливаете на наши плечи сейчас.

— Отрешись от его тяжести, — ответил Дениятос. — Не существует случайности, способной сбить орден с уготованного мною для него пути. Нет места неудачи в том деле, где Астартес являются инструментами моей воли. Возрадуйтесь, братья, ибо мы уже победили.

Три капеллана вернулись к основным силам флота и, собрав боевых братьев на борту «Славы», сообщили печальную весть о том, что философ-воин покинул царство живых.

Траур длился несколько месяцев. Капеллан Фемискон отправился в искупительное паломничество.

Аполлониос и Асияр приказали Испивающим Души перековать свою скорбь в ненависть, обращённую на всех противостоящих им врагов. Миллионы Асценианов оставались в живых, еретики, ждущие удара цепного клинка или укуса болта. Дениятос стал легендой, даже те, кто когда-то сражался рядом с ним, видели в нём не Астартес, но идею, образец.

****Никогда!***

В конце концов, в ордене не осталось никого, кто видел Дениятоса вживую. Дениятос перестал быть историческим персонажем и перешёл в разряд духовных предков, таких как Рогал Дорн или даже Сам Император. Было сказано, что дух Дениятоса — бессмертен, ибо живёт в каждом Астартес, прочитавшем «Военный катехизис» и почитавшем книгу, как священный текст. Как это делали сами Испивающие Души. То, как они сражались, как молились, каждая их мысль в какой-то степени была выкована этой легендой ордена.

Человек по имени Дениятос был предан забвению, его заменил Дениятос-идея.

Дениятос, философ-воин, покинул эту эпоху Империиума.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дениятос_-_Daenyathos_\(новелла\)&oldid=18188](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дениятос_-_Daenyathos_(новелла)&oldid=18188)

Эта страница в последний раз была отредактирована 27 декабря 2021 в 18:37.